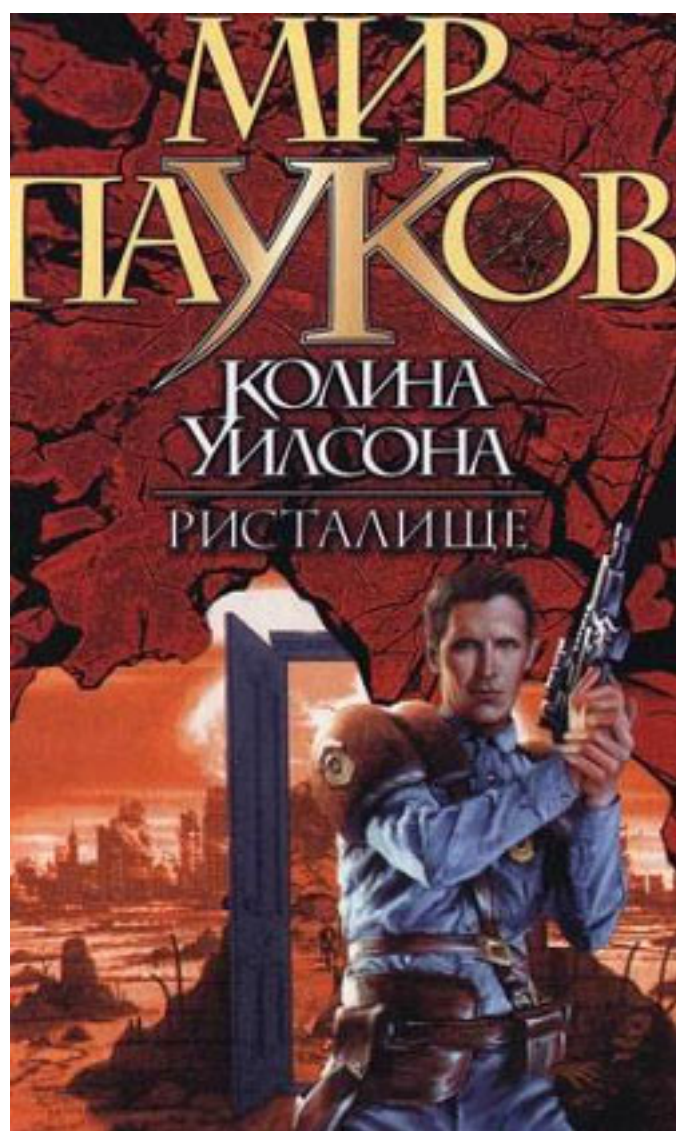

Нэт Прикли
Ристалище
Серия «Мир Пауков Колина Уилсона», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158109
Ристалище: АСТ, Северо-Запад Пресс; Москва, Санкт-Петербург; 2001
ISBN 5-17-003387-7, 5-93698-036-7

Аннотация

Один из самых известных фантастических сериалов, начало которому положили произведения знаменитого британского писателя и мыслителя Колина Уилсона, получил свое продолжение в работах отечественных авторов. Мир, где Земля полностью преображена после космической катастрофы. Мир, где пауки обрели волю, разум и власть. Мир, где обращенный в раба человек должен вступить в смертельную борьбу, чтобы вернуть себе свободу. Мир пауков становится нашим миром.

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Прикли Нэт Ристалище

Часть 1 Демон света

Тронный зал был залит ярким светом. Это казалось волшебством, но Найл догадывался, каким образом удалось добиться столь разительных перемен – многие из подданных Магини то и дело вспоминали, как правительница Серых гор заставила их сколотить высокие лестницы, подняться к окнам и отмыть толстые стекла от многовековой грязи. Что ж, рожденная в пещере, выросшая в подземном городе, принцесса Мерлью превыше всего ценила солнце и живые растения. Огромные размеры тронного зала позволяли разбить здесь целый парк, и Мерлью не преминула воспользоваться такой возможностью: справа и слева от входа тянулись вверх по стене усеянный гроздьями ярко-желтых соцветий хмель и еще не раскрывший бутоны дикий виноград; чуть дальше стояли молоденькие пушистые пихточки и кедры, между которыми землю густым ковром устилал можжевельник. Росли они не в кадках или вазах – для зеленых любимчиков повелительницы была насыпана почва на высоту чуть ли не по пояс взрослому человеку. Разумеется, от чисто выскобленного пола насыпь отделяла инкрустированная резной костью толстая деревянная загородка, по верху которой светились всеми цветами радуги алые камнеломки, синие васильки, желтые нарциссы, фиолетовые гортензии и оранжевые тюльпаны.

– Неужели нас не было здесь всего месяц? – прошептал Посланник.

Да уж, в чем-чем, а в отсутствии энергии принцессу Мерлью не обвинишь.

– Хотя нет, – тут же негромко поправился правитель. Больше уже не принцессу Мерлью, а Магиню, повелительницу Серых гор, Дарующую дыхание и... Как там еще?

– Вы что-то сказали, мой господин? – переспросила Нефтис, стоящая в шаге за его спиной и крепко сжимающая копьё.

Стражница еще не забыла, как на полу этого зала остались лежать, залитые кровью, почти три десятка братьев по плоти – треть тех, кто уцелел после захвата города Смертоносца-Повелителя пришельцами с севера.

Правитель послал своей верной телохранительнице успокаивающий импульс – как бы чего не сотворила из опасения за жизнь господина. Нефтис, так и не приобретшая способности к мысленному контакту, прикосновения Найла к своему сознанию не заметила, однако чуть-чуть расслабилась.

Кавина и Аполия в успокоении не нуждались. Девочки-подростки со свойственной молодости забывчивостью отнеслись к вступлению на поле недавней кровавой битвы с полным безразличием, даром что всего месяц назад сражались здесь не на жизнь, а на смерть – причем плечо Аполии сохранило глубокий, еще покрытый розовой пленкой шрам от удара зазубренным наконечником копья.

Пятеро смертоносцев успокаивающий импульс правителя заметили сами. Правда, все они присоединились к братьям по плоти всего десять дней назад, в Провинции, и о битве в Комплексе знали лишь из рассказов Найла. Восьмилапые пока не имели даже имен. Обща-ясь между собой, пауки в именах не нуждаются, а разговаривать с двуногими уроженцы приморской долины считали ниже своего достоинства.

Пауза затягивалась. Правительница Серых гор неподвижно сидела на высоком троне.

Древний серый плащ скрадывал очертания девушки; черты лица оставались неразличимы под глубоко надвинутым капюшоном. Только кончики пальцев выглядывали из широких рукавов, спокойно возлежав на подлокотниках. Разумеется, Найл мог бы подойти к своей подруге детства сам, не дожидаясь особого приглашения – но не знал, как отреагируют на подобную вольность полсотни воинов, выстроившихся в три ряда между ним и тронем. Под выжидающим взглядом гостей Магиня едва заметно приподняла указательный палец левой руки.

– Внимание и повиновение! – звонко пропел девичий голос.

Воины четко развернулись по сторонам, довольно дружно промаршировали по залу и выстроились в две колонны по сторонам от трона. Найл с интересом отметил, что на третьей ступеньке трона, на небольшой красной подушечке, стоит белый резной ларец.

– Извечная и Всемогущая, Дарующая Дыхание, Живущая в Свете, Всевидящая, Пребывающая в Прошлом, Настоящем и Будущем, Хранительница Вечности и Повелительница Серых гор приветствует тебя, Посланник Богини! – перед тронем выступила совсем юная девчушка в короткой тунике и почтительно поклонилась.

«Да, – попытался спрятать улыбку Найл, – Мерлью всегда обожала напыщенные торжественные церемонии, величественные обряды, символы власти и прочую показуху. То-то теперь развернется!»

– Посланник Богини, правитель братьев по плоти и Смертоносец-Повелитель Провинции искренне рад видеть Дарующую Дыхание! – Найл на ходу соорудил себе достаточно длинный титул, чтобы не очень отставать от хвастливой собеседницы.

И с удовлетворением заметил, как дрогнул капюшон: уж что-что, а значение титула «Смертоносец-Повелитель» Мерлью прекрасно знала. Я пришел к тебе с просьбой, прекрасная повелительница...

– Всевидящая снисходит к твоим мольбам, – с поклоном ответила за Магиню девчушка, и теперь уже Найл не смог скрыть удивления: ведь он еще не успел сказать, за чем явился. То, чего ты просишь, находится в шкатулке.

Уточнений не требовалось – в этом зале находилась только одна шкатулка. Найл сделал шаг вперед, но Магиня вскинула правую руку останавливающим жестом:

– Чем Посланник Богини собирается заплатить за это сокровище? – послышался из-под капюшона вкрадчивый, бархатистый голос.

Найл остановился, тяжело вздохнул и перевел взгляд с драгоценной шкатулки на повелительницу Серых гор:

– Какую цену назначает за нее сама Дарующая Дыхание? – как можно спокойнее спросил он.

– Мне нужно от тебя то, что вы, смертные, называете энергией.

– Сколько котомок? – попытался отшутиться Найл.

– Семьсот пятьдесят гигаватт, – хладнокровно ответила Магиня.

– Да где же я столько возьму? – ошеломленно спросил правитель.

– Если ты действительно желаешь получить тайное снадобье, то найдешь способ выплатить за него полную цену, – невозмутимо сообщила хозяйка Серых гор.

– Да что же ты делаешь, Мерлью?! – не выдержал Найл. – Ты же знаешь, что у меня нет энергии!

– У тебя есть энергия, Посланник Богини, – Магиня укоризненно качнула пальцем в сторону гостя, – и я скажу, где ты сможешь ее взять, когда придет час расплаты.

– Где же? – развел руками правитель. Скажи, и я отдам тебе все!

– Через месяц тебе понадобятся повозки, Посланник Богини, – Мерлью пропустила восклицание Найла мимо ушей и заговорила о чем-то своем. Они будут ждать тебя по эту сторону пропасти напротив канатной дороги. Тебе понадобятся припасы. Они будут лежать

в повозках. Через три месяца тебе понадобится мое разрешение на использование долины Парящей Башни, находящейся в моих владениях. Я даю тебе это разрешение. Еще я дам тебе шестьсот копий для вооружения твоих воинов. А сейчас я готова передать тебе тайное зелье, необходимое для твоей победы. Отвечай, Посланник Богини: принимаешь ты мои условия, или нет?

Найл вперился взглядом в резной ларец, выточенный из ослепительно белой кости. В ней таилось то единственное, что могло уравнивать шансы неопытных в военном деле дикарей, вооруженных лишь копьями с костяными наконечниками, против опытных в войнах северян, закованных в латы и умело владеющих своими длинными обоюдоострыми мечами.

– Да, – вырвалось у Найла.

– Что? – Магиня сделала вид, что не расслышала.

– Да, – громко и четко ответил правитель. Я согласен с твоими условиями.

И опять Мерлью слегка приподняла указательный палец.

– Внимание и повиновение! – вновь пропел звонкий девичий голосок. Извечная и Всемогущая, Дарующая Дыхание, Живущая в Свете, Всевидающая, Пребывающая в Прошлом, Настоящем и Будущем, Хранительница Вечности и Повелительница Серых гор собирается открыть сокровенную тайну Посланнику Богини! Все должны немедленно покинуть Тронный зал!

Воины дружно ударили об пол древками копий и одновременно замаршировали вперед, глядя прямо перед собой. Если бы гости не шарахнулись по сторонам – вояки наверняка бы их затоптали, выходя в распахнутую дверь. Следом за воинами, повинаясь мысленному импульсу правителя, вышли пауки и девушки, одна только Нефтис осталась на месте, сурово хмурясь и сжимая оружие.

Юная девчушка опустилась перед троном на колени, поцеловала пол, а потом быстро выбежала из зала.

– Оставь нас наедине, Нефтис, – попросил Найл и, видя ее колебания, напомнил: – Это ведь уже не Маг, Нефтис. Это принцесса Мерлью. Всего лишь принцесса Мерлью.

Телохранительница опасливо покосилась в сторону трона, однако, после короткого колебания, кивнула и тоже вышла из зала. Высокие створки медленно закрылись.

Магиня поднялась со своего царственного кресла, спустилась на несколько ступеней, села рядом со шкатулкой, откинула капюшон и встряхнула головой, позволяя длинным, едва тронутым сединой волосам рассыпаться по плечам. На этот раз она выглядела взрослой, усталой женщиной – причем ни по лицу, ни по волосам никаких мерцающих полосок не пробегало. Обычная женщина, утомленная непосильным трудом.

– Ну что ты там застыл? – с некоторым удивлением спросила она. Иди сюда.

– Неужели мне будет позволено приблизиться к Великой и Всеведущей...

– Позволено, – усмехнулась Магиня и вроде бы чуть помолодела. Все равно никто не видит. Это смертные должны помнить, что их правители значительно выше разумом и духом, и разговаривать с нами на языке обычных людей не подобает. Ты совершенно напрасно ведешь себя так, словно являешься одним из них. Этак у кого-то из твоих подданных может возникнуть желание стать правителем вместо тебя.

– Ну и что? Если кто-то окажется смышленнее меня, так и пусть становится. Найл подошел ближе и уселся на ступеньку по другую сторону от шкатулки.

– Ты не ведаешь, что говоришь! – испугалась Мерлью. – Незыблемость повелителей является главной гарантией покоя, стабильности и процветания страны! Если властителем сможет становиться любой желающий, то это ввергнет в пучину хаоса самую великую и могущественную страну!

– Ты сожалеешь, что сменила Мага на его троне? – с несколько преувеличенным удивлением поднял брови Найл. – Хочешь вернуть его обратно?

– Это совсем другое, – небрежно отмахнулась Магиня. По ее волосам пробежала рябь, они сделались темно-каштановыми, рыжими, опять седыми и снова темно-каштановыми. Я слышала, ты назвал себя Смертоносцем-Повелителем?

– Да, – кивнул Посланник. За время нашего путешествия энергетика всех путников слилась в единое целое, и когда мы вернулись назад в Провинцию, смертоносцы признали в нас Смертоносца-Повелителя. Поскольку командовал всеми я, то и звание досталось именно мне.

– Не приживется, – покачала головой Мерлью. – Ты совершенно не похож на паука.

– Пусть называют, как хотят, – пожал плечами Найл. – Лишь бы эти три тысячи смертоносцев остались с нами.

– Экий ты... безалаберный! – в сердцах выдохнула Магиня. – И власти тебе не надо, званий тебе не надо, славы тебе не надо. А что ты будешь делать, если в один прекрасный момент Великая Богиня лишит тебя благословения, пауки отвернутся, а подростки выберут себе более молодого лидера?

– И этот момент ты называешь «прекрасным»? – рассмеялся Найл.

– Все тебе хихоньки, – волосы Мерлью опять подернулись сединой, на лице проступили морщинки. Я ведь тебе о серьезных вещах говорю!

– А я тебе вполне серьезно отвечаю, – Посланник протянул руку и осторожно коснулся ее рукава. Если я лишусь благословения Богини, доверия людей и преданности пауков, то никакие титулы и ритуалы мне уже не помогут.

– Я помогу, – откровенно предложила Магиня, повернув голову и глядя Найлу прямо в глаза. Хочешь?

– Странно, – ответил Посланник, не отводя взгляда. Кажется, мне пока никто не угрожает?

– Да, – согласилась Магиня, – никто. Пока...

Голос ее заметно притух, кожа на лице пожелтела, покрылась мелкими морщинками, нос, скулы и подбородок заострились, волосы совершенно выцвели. На ступеньках трона сидела древняя старуха с тусклым взором и трясущимися руками.

– Я любил тебя больше всего на свете, Мерлью, – прошептал Найл, отпустил рукав плаща и дотянулся кончиками пальцев до ее руки.

– А сейчас? – первыми изменились смеющиеся глаза, и уже от них волной свежести по образу хозяйки Серых гор прокатилась омолождение. Знакомо пахло можжевельником.

Она не стала восемнадцатилетней девчонкой, но до возраста зрелой женщины больше не дотягивала.

– Всегда, – кратко ответил Найл.

– Ох, знать бы все наперед... – Магиня выпрямилась, спустилась со ступеней трона, подошла к загородке рукотворных зарослей, скользнула ладонью по бутонам цветов. Я столько лет была рядом с тобой, могла получить все, чего хотела, однако мне нужно было большего, нужно было все, целиком. И твои руки, и твои мысли, твою любовь. И твое звание, титул, власть. Все, целиком и полностью! Теперь я хочу всего лишь родить от тебя ребенка. Но не могу даже этого...

– Может, попробовать? – рискнул предложить Найл, подходя к ней сзади.

– Маг уже попробовал, – вздохнула Мерлью. – И где он теперь?

Она резко повернулась и зло прошипела:

– Отойди от меня! Никогда не приближайся ко мне, если не хочешь вместо друга получить врага.

Посланник попятился на несколько шагов и сухо спросил:

– Так достаточно?

– Вытяни вперед правую руку, – приказала Мерлью.

Найл подчинился. Магиня тоже вытянула вперед свою руку и стала медленно приближаться. Спустя минуту пальцы рук соприкоснулись.

– Вот так, и ни шагом ближе, – низким бархатистым голосом произнесла она.

– А если так? – Посланник сдвинулся немного вперед, его пальцы скользнули по запястью хозяйки, двинулись выше, скрываясь в темном рукаве.

– Еще движение, и мы просто перестанем существовать, – сухо предупредила Магиня. – Оба. «Они жили долго и счастливо, и умерли в один день». Попробуем?

Несколько секунд Найл не решался отступить, но потом не выдержал безразличного взгляда Мерлью и опустил руку.

Магиня вздохнула. Как показалось Посланнику – с некоторым разочарованием. Он повернулся, подошел к трону, остановился перед шкатулкой и оглянулся на Повелительницу Серых гор:

– Скажи, Мерлью, с чего это ты вдруг решила потребовать с меня эти семьсот пятьдесят гигавайт? Где я их возьму?

– Неужели ты думаешь, Найл, что я стала бы требовать с тебя невозможного? Разве ты забыл, что я твоя богиня-хранительница? Ты сможешь найти эту энергию, и очень даже скоро.

– Хорошо, пусть так, – кивнул Найл. В конце концов, если он не сможет найти энергию, Мерлью, как никудышная предсказательница, будет виновата сама. А что в шкатулке?

– Мазь. С виду серая, без запаха. На вкус я ее пробовать не стала. Магиня опять прилестилась на ступеньке рядом со шкатулкой. Найл сел на свое место по другую сторону от таинственного ларца. Понимаешь, еще несколько сот лет назад, когда Маг понял, что пауки обладают способностями читать и передавать мысли, он захотел научить тому же и своих воинов. Маг очень хотел обладать непобедимой армией, и надеялся, что телепатические способности позволят его воинам предугадывать поступки врагов и координировать собственные действия. Маг захватил нескольких смертоносцев, тщательно исследовал их мозг и смог выделить неизвестную ранее аминокислоту.

– Ерунда, – покачал головой Найл. – К мысленным контактам способен любой человек. Просто раньше люди не нуждались в подобных возможностях и не развивали в себе эту способность. Никакие неизвестные аминокислоты тут не при чем.

– А вот тут ты не прав. Маг показал себя великим ученым и исследователем. Он совершенно верно определил необходимую для телепатических способностей аминокислоту, но не сразу понял принцип ее действия. Она оказалась всего лишь естественным регулятором. Она вырабатывается в организме, если пауку необходимо ограничить «громкость» своего сознания, вступить в контакт с кем-то поблизости, а не кричать на весь свет. Чем выше уровень этой аминокислоты в организме, тем ниже уровень излучаемой энергии. Считанные десятки молекул способны заблокировать телепатические способности полностью на несколько часов. Маг предчувствовал, что это вещество еще сможет пригодиться ему в качестве оружия и сделал его довольно много. А использовал всего лишь несколько раз...

– Например, для убийства Скорбо?

– Для него тоже, – согласилась Магиня. – А пользоваться мазью очень просто: достаточно смазать ею любой предмет и ткнуть им в паука. При этом на тело смертоносца попадает огромное количество аминокислоты, часть ее неизбежно проникает в организм, и восьмипалый теряет способность позвать на помощь еще до того, как поймет, что эта помощь ему нужна.

– То есть, ты хочешь сказать, – уточнил Посланник, – что если этой мазью намазать, например, наконечник копья и метнуть в паука, то тот даже не успеет испустить импульс боли?

– Да, – усмехнулась Мерлью, – если ты обмажешь этой мазью оружие всех своих врагов, то удары их мечей и копий не смогут вызвать в рядах твоих пауков никакой цепной реакции. Боль будет испытывать только сам пострадавший.

– Спасибо за совет, – кивнул Найл, – но я постараюсь сделать так, чтобы пострадавших не было вообще.

– Ну надо же, – покачала головой Магиня. – Ты уже несколько лет правишь людьми, а все еще веришь, что хоть в этом мире можно чего-то добиться, не пролив крови!

Найл вздохнул. Он и вправду верил в то, что справедливость и благополучие достигается просто трудом, воспитанием людей и пауков в духе любви, всеобщим образованием. Увы, почему-то за каждый шаг к счастливому будущему его соратникам постоянно приходится расплачиваться своими жизнями. Вот и сейчас: он не желает ни чьей смерти, он не хочет убивать пришельцев с севера, он не хочет, чтобы в схватках погибали его товарищи, которых и так осталось слишком мало – но справедливость требует, чтобы город Смертоносца-Повелителя был возвращен выросшему в нем народу. Ждут освобождения замурованные под Черной Башней хранители мертвых и многовековая память пауков, желают ступить на земли предков возмужавшие люди и пауки. Вряд ли жестокие захватчики добровольно отдадут добычу, а значит – свою родину скитальцам придется освобождать силой!

– Зачем ты предлагаешь мне шесть сотен копий? – запоздало вспомнил Найл. – Ведь у меня всего лишь полсотни человек.

– Положим, не пятьдесят, а около полутысячи, – весело рассмеялась Мерлью, разом превратившаяся в юную девчонку. К тому же, тем, кто принимает участие в бою, потребуется по два-три запасных копия. Понимаешь ли, костяные наконечники ведь очень хрупкие, при сильном ударе они часто обламываются...

– Откуда пятьсот человек? – замотал головой Найл. – Людей из Провинции я с собой брать не хочу, в них начисто отсутствует боевой дух и слишком сильна страсть к самопожертвованию. А из братьев по плоти уцелело всего...

– Ты кому больше веришь, – перебила его Магиня, наклонившись к самому лицу, – мне или себе?

Найл запнулся – но не потому, что вопрос Мерлью поставил его в тупик, а оттого, что вместо ожидаемого теплого дыхания с губ девушки срывался ледяной холод. Нет, Мерлью не казалась каменным мертвым изваянием, ее глаза блестели влагой, ее губы улыбались, алый, чуть приоткрытый рот казался жарким, желанным, страстным – но из тонкой щелки вырывалось не горячее дыхание живой плоти, а ледяное дуновение недостижимых горных вершин.

– То-то же, – выпрямилась Мерлью, явно довольная произведенным эффектом. И не забывай, что я не только Извечная и Всемогущая, но и Всевидящая.

– Вот, значит, каково общаться с оракулами, – покачал головой Найл. – Речи заманчивые, но вот только понять ничего невозможно.

– Меня не нужно понимать, Посланник Богини, – Магиня сделала несколько шагов к дверям, чуть повернула голову, покровительственно улыбнулась через плечо. В этот миг веки вокруг ее глаз внезапно стали болезненно отечными, набрякшими. – В меня достаточно просто верить.

– Ты решила прибрать звание Великой Богини Дельты? – переспросил Посланник, вставая со ступеней.

– Этой брюквы-переростка? – презрительно хмыкнула Мерлью. – Да она на минуту вперед ничего загадать не способна! А ко мне через двести лет со всех концов планеты целые делегации за предсказаниями стекаться будут.

– Может быть, тогда и мне чего-нибудь предскажешь?

– Легко, – кивнула Магиня. – Через два года ты будешь эту самую Великую Богиню из всех сил спасать от гибели, а она только лепесточками на ветру шевелить сможет.

– А что ей будет угрожать?

– Через два года узнаешь, – лаконично пообещала хозяйка Серых гор. И перестань топтаться вокруг шкатулки, куда она не денется. Пойдем в мои покои, я угощу тебя вином, которое здешние садоводы изготовили по моему приказу. Хотя узнаю, насколько оно удачное.

– А ты сама не пробовала? – удивился Найл.

– Пробовала, – кивнула Мерлю, – но ведь я Магиня, на меня никакие яды не действуют.

– И вкуса ты не чувствуешь?

– Не знаю, – пожала она плечами. Никак не привыкну. Пойдем, все равно раньше, чем через два дня я тебя не выпущу. Пусть смертные думают, что тайна ларца велика и трудно постижима. Надеюсь, ты не откажешься провести пару дней со своей старинной знакомой?

* * *

Больше всего Найлу хотелось отказаться от навязанного Мерлю почетного караула.

С того злосчастного для Земли года, когда примчалась из далекого космоса радиоактивная Комета, сменились сотни поколений озерных жителей. Прячась от проникающего излучения в глубине вулканических озер, в темной и холодной воде, щедро обогащенной кислородом, обитатели ученого городка вряд ли предполагали, что их далекие потомки уже не смогут дышать обычным земным воздухом. Спасшиеся в воде люди попали в ловушку, став из скрытников пленниками.

Обитатели Серых гор каждые пять-шесть часов должны или погружаться на некоторое время в любой водоем, или хотя бы заливать в свои легкие воду, смачивая их. Иначе – смерть от удушья. В общем-то, вполне понятная особенность строения организма – но уж очень противно выглядели со стороны люди, то заливающие себе в глотку огромные фляги, то выташнивающие из себя потоки жидкости. Вдобавок обитатели Серых гор отчаянно трусили, находясь на воздухе, и излучали свой страх далеко во все стороны. В общем, не самые приятные спутники в долгом переходе. Однако – Магиня снарядила гостей с поистине царской щедростью, выделив в дорогу две повозки с провиантом и еще три нагрузив короткими копьями с зазубренными костяными наконечниками. Не на себе же тащить все это добро посольству из девяти «братьев» – четырех человек и пяти смертоносцев!

– Передайте Дарующей Дыхание, что мы искренне благодарны ей за заботу, – тяжело вздохнув, улыбнулся Найл. – Мы восхищены ее разумом и предусмотрительностью.

– Мудрость Хранительницы Вечности беспредельна, – с гордостью ответила девушка, исполнявшая при Магине обязанности дворецкого.

Явное наследие долгой жизни в городе пауков: став властительницей Серых гор, принцесса Мерлю на всех руководящих постах заменила мужчин молодыми девушками. «Сильному полу» позволялось теперь только носить оружие, да таскать тяжелые повозки.

– Кто будет командовать обозом? – поинтересовался правитель, оглядываясь на столпившихся вдоль дороги людей.

– Живущая в Свете отдает их в полное твое распоряжение! – голос девочки, озвучившей великую милость хозяйки, звучал звонко, торжественно-радостно. Наверное, Мерлю приблизила ее к власти не за хозяйственные способности, а именно за мощные голосовые связки. Ты волен сам вести отряд, как пожелаешь нужным, и куда сочтешь необходимым.

Посланник опять вздохнул – призрачная надежда отправить повозки вперед, а самим двигаться на отдалении растаяла как дым. Он нашел глазами Нефтис, кивнул в сторону дороги: «командуй», а сам растянул губы в приторной улыбке:

– Передай мою благодарность Дарующей Дыхание за ее доверие и щедрость.

Глупо, конечно, по десять раз рассыпаться в любезностях после того, как все уже давным-давно обговорено с Магиней, но ничего не поделаешь – оказавшись во владениях прекрасной Мерлью приходится играть по ее правилам.

– Пребывающая в Прошлом, Настоящем и Будущем не нуждается в благодарности смертных, – вскинула подбородок девушка. Ее мудрость беспредельна, а решения безошибочны. Следуй словам ее, и радуйся милостям ее, Посланник Богини.

Самодовольство щуплой малолетки начало раздражать. Правитель, не оборачиваясь, послал смертоносцам короткую мысленную просьбу. Восьмилапые согласованно ударили по девочке лучом страха – тем самым, с помощью которого во время охоты они «выпугивают» из зарослей затаившуюся дичь, а то и «диких» людей.

«Дворецкая» мгновенно посерела, шарахнулась назад, ударившись о стенку Комплекса, из-под волос на лицо выкатилось несколько крупных капель пота.

– Не твое дело обсуждать, в чем нуждается Магиня, а в чем нет, – раздельно объяснил правитель. Твоя обязанность просто передать ей мои слова. Понятно?

Девочка, начисто утратившая свой звонкий голос, часто-часто закивала.

– Вот и умница, – на этот раз Найл улыбнулся совершенно искренне. Приятно было поговорить. До будущих встреч.

Тем временем, под грозные окрики широкоплечей Нефтис, озерные жители разобрались по повозкам и обоз медленно тронулся в путь.

– Вы не желаете отдать мне свою котомку, мой господин? – поинтересовалась стражница.

– Спасибо, Нефтис, – покачал головой правитель, поглаживая завернутую в одеяло шкатулку. Но дару Магини будет намного спокойнее, если в твоих руках будет не котомка, а оружие.

– Да, мой господин, – стражница зарделась от похвалы и вытянула из-за спины копье. – Я буду наготове.

Впрочем, никаких опасностей в Серых горах путникам не грозило. Восемь дней неспешной дороги, четыре ночи с Нефтис, еще три ночи – после установления мысленного контакта с Парящей Башней – с Кавиной и Аполией.

Озерные жители доволокли повозки до самого моста через пропасть, за которым, на площадке перед станцией фуникулера, уже ждали присланные советником Борком земледельцы.

Единственная задержка вышла с переправой подарков Магини по натянутым над бездной тонким паутинкам: и жители Провинции, и обитатели Серых гор панически боялись даже приблизиться к обрыву. Перетаскивать оружие пришлось братьям по плоти – люди охапками хватали копья, а людей подхватывали пауки. Втроем справились примерно за полчаса – груз таскали девушки, а Найл сидел на платформе и нежно обнимал котомку с драгоценным грузом.

На этот раз ночевать рядом с пропастью не имело смысла – путники точно знали, что в Провинции их ждут друзья. Обоз сразу тронулся в путь и незадолго до сумерек Найл поднялся на каменный вал, перегораживающий дорогу в Провинцию. Посланник бросил взгляд на раскинувшийся перед ним простор и со щемящим душу восторгом увидел выгнутые крылья парусов, устилающие темное вечернее море.

* * *

Сразу за валом Посланника встречал советник Борк. Вообще-то, его личного присутствия не требовалось – мысленный контакт с правителем советник мог установить из любой точки Провинции, распоряжения на счет встречи Найла отданы заранее. Однако, после того как Найл большинством пауков был признан Смертоносцем-Повелителем, Борк предпочитал выказывать незваному гостю повышенное почтение.

– Рад видеть тебя, советник, – кивнул Найл восьмипалому хозяину прибрежной долины.

– Рад видеть тебя, Посланник Богини, – почтительно ответил советник Борк.

Найл мысленно отметил, что ритуального приседания смертоносец выполнять не стал, но вслух ничего не сказал. Советник мысль правителя заметил, и как-то вроде даже приподнялся на лапах. Вот не желал советник приветствовать двуногого как равного, и все – и пусть его хоть съедят сегодня же вечером!

Впрочем, советник Борк прекрасно понимал, что есть его никто не станет – не для того же Посланник Богини после недавней битвы сохранил восьмипалому жизнь и высокий пост, чтобы теперь зажарить на костре всего лишь из-за нарушения этикета?

Правда, сам советник поступил бы именно так, но он успел неплохо изучить Посланника Богини, знал о его мягкодушии, и время от времени пользовался им для демонстрации собственной гордости и независимости.

– Кто привел корабли? – кивнул правитель в сторону моря.

– Советник Шабр, Посланник.

Борк был единственным смертоносцем, который называл Шабра «советником», отдавая должное огромному знанию и опыту ученого паука. Каждый раз, слыша от хозяина Провинции этот титул, Найл соглашался с высокой оценкой и давал себе слово обращаться к своему соратнику точно так же, но каждый раз вскоре забывал о своем намерении.

– На земле это самый мудрый из всех разумных обитателей, – внезапно похвалил Шабра советник.

– Почему ты так решил? – покосился Найл на паука.

– Он умнее любого из людей, – объяснил советник, – и мудрейший среди смертоносцев.

Это был прогресс – раньше советник Борк не признавал за двуногими права на разум. Человеческое сознание советник считал одним из заразных заболеваний этого вида животных и даже ухитрялся более-менее успешно людей от него лечить. Для этой цели в болотистых районах Провинции был выгорожен специальный питомник для «здоровых» двуногих существ. Шабр, кстати, до подобных изысков не додумывался.

– Шабр считал тебя своим учителем, – напомнил Посланник.

– Все изменилось, – с сожалением признал Борк. Теперь он умнее меня.

– Почему ты так решил? – не удержался Найл от вопроса.

– Он догадался пойти вместе с тобой, Посланник Богини, а я нет.

– Как ты мог угадать, что мы не сгинем во владениях Мага, а вернемся назад?

– Но ведь Шабр определил такую возможность! – не принял утешения советник. Раз оказался прав он, а не я, значит, его разум превосходит мои способности.

– А если ему просто повезло?

– В этом мире везет только тем, кто мудрее и сильнее, – с сожалением признал советник. Именно поэтому комнаты для отдыха готовлю вам я, а не вы мне. Ты не желаешь отдохнуть после трудной дороги, Посланник Богини?

– Отдыхать, когда из небытия вернулся весь флот Смертоносца-Повелителя? – удивился Найл. – Нет, сперва я должен все подробно узнать!

Посланник закрутил головой, абсолютно уверенный, что ученый паук находится где-то рядом.

– Шабр, почему я тебя не вижу? Ответом было молчание. Правитель забеспокоился.

В городе Смертоносца-Повелителя Шабр отвечал за качество и чистоту породы людей-слуг. Естественно, ему приходилось следить за «правильностью» мышления двуногих, уровнем и состоянием их сознаний.

Даже после того, как Великая Богиня Дельты передала власть над городом Найлу и приказала считать людей равными, ученый паук не перестал постоянно следить за мыслями людей и их разговорами – привычка «подслушивать» чужие разговоры стала естественным продолжением его личности. Если Шабр пребывал в Провинции – он не мог не слышать правителя!

– С ним ничего не случилось? – повернулся Посланник к советнику. Ты уверен?!

– В моей Провинции уже много десятилетий не случалось никаких несчастий, – опустил советник Борк в ритуальном приветствии.

Неподдельная тревога Посланника активировала чуткий единый разум небольшого, но слаженного отряда братьев по плоти. Набухли энергетические нити, связывающие изгнанников в единое целое, быстро налилась алым аура правителя. От такого зрелища советник решил на время забыть про гордость и начал оправдываться:

– Здесь никто и никому не угрожает, здесь нет хищников и ядовитых змей. Может быть, после путешествия по морю советник Шабр решил поохотиться в болотной стороне?

– Ну что вы, я совсем не голоден. В кронах ближней рощи зашелестели ветви, блеснула паутина, и вскоре восьмипалый ученый выбежал из-за стволов на поляну. Рад видеть тебя, Посланник.

– Рад видеть тебя, Шабр. Ты заставил нас поволноваться.

– Прошу прощения, Посланник, – качнулся вперед паук. Мне очень понравились речи высокоумного советника Борка, и я надеялся услышать о себе что-нибудь еще.

– Я сказал все, что хотел, – сообщил хозяин Провинции и спросил, создав мысленную картинку охапок с копьями: – Как ты желаешь распорядиться запрещенными предметами, Посланник Богини?

Во все времена владычества смертоносцев людям запрещалось иметь любые орудия труда и оружие. Разумеется, пауки очень быстро поняли, что полный запрет на любые орудия труда лишит их возможности использовать человеческий труд – голыми руками слуга ни землю не вскопает, ни жилища себе не построит, ни одежды не сошьет – но запрет на любые мало-мальски сложные механизмы и предметы, похожие на оружие, оставался в силе.

– Я хочу, чтобы запрещенные предметы были сложены в одной из комнат твоего замка, советник Борк! – в ответ на явную дерзость Найл решил заставить паука хранить все оружие в собственном доме.

Посланник немного выждал, ожидая ответа. Однако, советник уже понял, что едва не перешел границу, после которой вместо снисхождения может столкнуться с гневом нового Смертоносца-Повелителя и предпочел удалиться, дабы сделать необходимые распоряжения.

– Итак, рассказывай... – Найл открылся всем сознанием навстречу Шабру, но смертоносец оказался до обидного краток:

– Все оказалось, как ты предсказывал, Посланник. Мы остановились на берегу моря, у самой границы Дельты. Спустя несколько дней ожидания я услышал призыв и ответил на него. Флот снял нас с берега и мы прибыли сюда.

– Откуда пришел флот, где он находился столько времени?! – продолжал требовать ответа правитель.

– Все произошло, как ты и предсказывал, Посланник, – повторил Шабр. – Это могут подтвердить Быстрый и Соленый.

На минуту произошла заминка – Найл настолько не ожидал услышать простые, внятные имена, что поначалу даже не понял, о чем идет речь. Шабр, ощутив недоумение правителя, пояснил:

– Соленый командует кораблями больше пятнадцати лет. Свое имя он получил из уст самого Смертоносца-Повелителя. Еще в возрасте трех лет он прибыл во дворец, чтобы получить личный приказ Повелителя. Дабы выделить его из толпы хранителей полей, Смертоносец-Повелитель обратился к нему, используя в качестве вызова образ морской соли. С тех пор Соленый с гордостью сохраняет это имя. Быстрому всего два года от роду. Он не владеет искусством общения с людьми. Люди на кораблях называют его «Быстрый» потому, что появился он в качестве гонца.

– И где эти смертоносцы?

– Здесь, в роще. Шабр прекрасно понимал, что Посланник обязательно захочет увидеть своими глазами пауков, спасших флот Смертоносца-Повелителя от гибели. – Сейчас они подойдут.

Быстрый оказался темно-коричневым смертоносцем, тело которого не превышало полутора метров в длину. Хотя при таких размерах голова паука обычно находится на уровне человеческой груди, Быстрый держался чуть ниже живота – возможно, из-за слишком широко расставленных ног. Посланника Богини он узнал в лицо – встречал на улицах города – и почтительно поприветствовал ритуальным жестом.

Соленый, не смотря на достаточный возраст, крупных размеров не достиг, едва-едва сравниваясь со своим более молодым соратником. На лапах его не уцелело ни одного когтя. Такое состояние лап для моряка не удивительно – Найл своими глазами видел, как во время шторма с легкостью обламывались когти смертоносца, пытавшегося уцепиться за деревянный настил. Хитиновый панцирь, выцветший на солнце и выдубленный жестокими морскими ветрами, совершенно побелел, делая восьмилатого похожим на покрытое инеем извояние.

Найла Соленый не знал, однако тут же ощутил сотканную из многих ментальных полей ауру, присущую только Смертоносцу-Повелителю и едва не задрожал от радости:

– Ты спасся, Повелитель?!

– Смертоносец-Повелитель в моем сердце, – кратко ответил Найл и испустил тонкую и чистую вибрацию, которая должна была означать радость от встречи с примерными подданными, честно выполнившими свой долг. Затем правитель воссоздал переданный Шабром образ едко пахнущей, белой с легким зеленоватым отливом морской соли и попросил: – Расскажи мне, где вы плавали все то время, пока не встретили советника Шабра. Как вам удалось сберечь корабли и людей?

Соленый, польщенный вниманием Смертоносца-Повелителя к своей особе, немедленно «выстрелил» таким мощным блоком воспоминаний, что Посланника качнуло, как от удара.

Пауки и так не отличаются способностями к спокойному последовательному повествованию, обычно быстро «перестреливаясь» плотными яркими образами.

Благодаря необычайной насыщенности информацией мысленного контакта самые долгие истории могут «перебрасываться» от одного смертоносца к другому за считанные мгновения. Самым сложным в искусстве общения с людьми для смертоносцев была именно способность замедлить свою мысль до такой степени, чтобы человек, в чью голову она вкладывается, успел ее осознать. Однако Соленый, умеющий разговаривать с моряками на кораблях, для Посланника никакой скидки не сделал, спрессовав в долю секунды события целого года.

– Он сказал, Посланник... – поспешил было на помощь Шабр, но Найл остановил его решительным жестом.

Если уж он собирается править равно и людьми, и смертоносцами, то должен уметь сам понимать любого паука.

– Повтори, мне еще раз свою историю, – попросил Посланник Соленого. Получив новый удар памятью, Найл чуть переждал, и снова попросил: – Еще раз повтори...

В голове стало немного проясняться – после трехкратного повторения мозг правителя смог вычленить основные вехи воспоминания восьмипалого моряка и теперь от этих вещей начинал «растягивать» время в стороны.

Прошло несколько минут. Теперь Найл уже представлял общую канву событий, но в сознании продолжали проявляться все новые и новые «картинки».

– Да, – наконец-то изрек правитель. Пожалуй, мне будет что вложить в копилку нашей памяти. Я бы хотел, Соленый, чтобы все моряки и их надсмотрщицы, без которых можно обойтись на кораблях, завтра после полудня сошли на берег и собрались на берегу моря перед замком советника Борка. А сейчас, извините, мне нужно отдохнуть...

В голове вспыхивали все новые и новые образы, проявлялись события. По сознанию метался грозный штормовой ветер, выпрыгивали земляные фунгусы, выползали жирные щупальца, жгло яркое солнце, передавливала горло жестокая жажда.

У Найла возникло ощущение, что на него свалилась еще одна новая, незнакомая жизнь – но только прожить ее нужно не за несколько десятков лет, а за несколько часов.

– Что с вами, мой господин?! – пробился тревожный голос Нефтис.

– Ничего, – не без труда смог прошепелявить правитель. Просто что-то очень хочется спать...

Сна не было – были огромные валы черных волн, крупные темно-синие стрекозы, раскинувшие крылья в недостижимой высоте. Был шелест прибоя, зловещий шелест скребущих днище рифов, длинная песчаная коса, зачем-то перегородившая удобную бухту. Были чахлые кочки травы и голодные взгляды маленьких пузатых шариков, состоящих, казалось, только из толстого панциря и огромной зубастой пасти.

Были огромные хищные тени, всплывающие из глубин, шуршащие по бортам изогнутыми клювами и разочарованно уходящие обратно в глубину. Были усталые надсмотрщицы, испуганные моряки, бесконечные стены зарослей, из которых то и дело выскакивали на прибрежную полосу и долго бежали вслед за кораблями бурые двухголовые жуки с вертикально расположенными хелицерами. Были стаи жирных гусениц с длинными тонкими лапками, высыпавшиеся из древесных крон и пожирающие все, что движется – от людей до брошенных в их сторону округлых камней. Были камни, прилипающие к оказавшимся рядом людям и насекомым, и выделяющие жгучий, едкий сок, оставляющий глубокие незаживающие раны.

Разбуженный полуденным солнцем Найл долго не мог понять, глядя на полупрозрачный полог шатра – вернулся ли он из забытия в нормальный мир, или наоборот – впал в забытие, вывалившись из жестокого, но ставшего привычным мира.

– Простите, мой господин, – тихонько прошептала Нефтис. – На берегу белый смертоносец выстроил много-много людей. Он говорит, что привел их по вашему приказу и вы должны к ним выйти.

– Они уже здесь? – зачем-то переспросил Найл.

– Да, мой господин.

– Хорошо, Нефтис. Я сейчас немного приду в себя и выйду к ним, а ты пока объяви, что сегодня вечер памяти начнется прямо сейчас, в середине дня.

Телохранительница кивнула и выскользнула из шатра, а правитель увидел рядом с подстилкой поднос с фруктами и высоким кувшином, дотянулся до большого зеленого яблока и жадно вцепился в него зубами. Рот наполнился кисло-сладким соком. Только после этого Найл уверился, что действительно находится в истинном мире, а не мечется по сновиде-

ниям. Он уселся, пождав под себя ноги и принялся поглощать груши, виноград и абрикосы – ничего мясного почему-то не хотелось.

Опустошив вазу, Посланник вышел из шатра, кивнул уже сидящим неподалеку на плетеных щитах ребятам, разбежался и со всего хода влетел в море. Прохладная вода освежила, мысли наконец-то успокоились, встали на свои места.

Поляна вокруг шатра постепенно серела от собиравшихся на ней смертоносцев.

Найлу показалось, что братьев по плоти почему-то слишком мало.

– Мы вернулись первыми, – немедленно откликнулся Шабр.

– Ну да, – кивнул, вспоминая, Найл. – Юлук вместе с молодыми пауками ушла к устью реки, а остальных увел Дравиг, к солеварне.

– Позавчера мы установили с ними мысленный контакт, Посланник. Они вернутся завтра к вечеру.

– Хорошо, – кивнул правитель, оглядываясь по сторонам. Он так и не привык разговаривать, не видя собеседника. – Где ты, Шабр?

– Жду тебя в шатре, Посланник.

Найл усмехнулся, вошел под навес.

– Вот ваша туника, мой господин, – протянула Нефтис аккуратно сложенную одежду.

– Как ты себя чувствуешь, Посланник? – внезапно спросил Шабр.

– Все нормально, – пожал плечами правитель. А что?

– У меня странное ощущение от прикосновения к твоему сознанию, Посланник, – признал ученый паук. Такое чувство, будто у тебя в голове... Щекотно...

– Я волнуюсь, Шабр, – признался Посланник. Впервые за все время мне самому удалось понять мысленное сообщение смертоносца, не предназначенное для людей. Я боюсь, что мог ошибиться. Понимаешь, мои слова останутся в памяти Парящей Башни навечно. Не хочу, чтобы на века сохранилась память о моем промахе.

– Ты не можешь ошибиться, Посланник, – вполне серьезно ответил Шабр. – Ты же стал Смертоносцем-Повелителем. Все, что ты говоришь, истинно. Если прошлое не соответствует этой истине – значит, ошибается именно оно.

– Тогда нашим потомкам будет чем гордиться, – улыбнулся Найл, завязывая пояс. Пойдем нести истину.

Посланник решительно вышел из палатки.

На поляне вокруг шатра не осталось ни единого свободного места. Слева от правителя продолжили сидеть полтора десятка взрослых с виду парней. Вряд ли посторонний человек мог догадаться, что этим сильным мужчинам меньше года со дня рождения. Впрочем, за первый год своей жизни они уже успели пересечь Дельту, преодолеть всю пустыню от Дельты до Серых гор, сразиться с Магом и победить его. Им пришлось не раз сразиться с голодом и холодом, с хищниками и людьми. Им уже не раз пришлось оплакивать друзей и принимать в себя тела погибших соратников.

Наградой путников стало осознание своего единства, единства двуногих и восьмилпых в общем народе – братьев по плоти. За время испытаний они настолько сроднились духом и мыслями, что единым, общим, стало даже их сознание и энергетика.

Вокруг на траве, под деревьями, в кронах ближних рощ замерли пауки. Смертоносцы, рожденные на земле Провинции, но признавшие в едином сознании братьев по плоти погибшего Смертоносца-Повелителя. Они встретили пришельцев врагами, в плотном строю многотысячной армии – чтобы теперь стать верными соратниками, готовыми идти в бой во имя общей цели.

Вдоль моря, на самой кромке пляжа выстроилось несколько сотен моряков.

В то время, когда изгнанные пришельцами из города пауки и их слуги бродили по пустыне, боролись за жизнь в Дельте, сражались с Магом в Серых горах, эти люди, которым

со дня рождения до сорока лет отводилась роль бессовестного скота – и корма для хозяев по достижении этого возраста – эти люди спасали последнее сокровище Смертоносца-Повелителя, уцелевшее после нашествия северян.

Они спасали корабли.

Осторожно ступая между пауков, к шатру приблизилась Кавина и села у ног Посланника. Значит, именно ей выпал жребий поставить заключительную точку, которая завершит этот вечер.

– Пурт слышит нас, Кавина? – спросил ее Найл.

– Да, Посланник, – кивнула она.

– Что ж, – уже намного громче произнес правитель. Я не раз говорил, зачем нам нужна память наших предков, зачем нашим потомкам нужна память о нас. Сегодня хороший день. Сегодня в память, хранящуюся в Парящей Башне, добавится еще один миг из истории нашего времени. Это подвиг, которым смогут гордиться наши дети, внуки, и внуки наших внуков. Это история о том, как два смертоносца и несколько сотен людей спасли во имя будущей победы весь флот Смертоносца-Повелителя.

Найл закрыл глаза и вызвал в памяти первый эпизод из воспоминаний, переданных ему Соленым.

Пахло соком изломанных растений, мускусом и едким дымом от костров, сложенных из недосохших водорослей. Моряки толпились вокруг огня, жаря на длинных палках свежую, каплющую соком рыбу. Соленый забрался на макушку мачты, чтобы еще раз увидеть спины уходящих за высокий бархан смертоносцев.

Еще несколько минут, и армия скрылась из виду.

Они ушли, чтобы уничтожить вторгшегося во владения Смертоносца-Повелителя врага – а он остался. Его не взяли. Соленый понимал, что кто-то из пауков должен остаться с кораблями, проследить за двуногими. Без присмотра эти безмозглые существа способны сотворить любую глупость, погубить и себя, и корабли – но почему незавидная доля пастуха досталась именно ему! Пусть он один из самых маленьких, пусть в одном из штормов он обломал о поперечный брус сразу все когти – но ведь в бою главное, это воля, а не кончики лап!

Соленый скользнул по сознаниям ближайших моряков. Как всегда, в разумах двуногих не держалось ни одной мыслишки, кроме желания поскорей набить желудки горячей рыбой. Некоторые, самые умные, догадывались, что корабли будут ждать возвращения ушедших смертоносцев и предвкушали долгий отдых.

Со стороны дальних костров долетело ощущение боли: там надсмотрщица методично и беззлбно хлестала кнутом одного из матросов. Мужчина чуть слышно всхлипывал, вздрагивал и зажимурился перед каждым ударом. Соленый не стал узнавать, в чем там дело – раз наказывает, значит так надо. В общем-то, надсмотрщицы и сами прекрасно справлялись с порядком.

Присутствие пауков было необходимо только на самый крайний случай, если произойдет нечто, с чем слабый умишко двуногих справиться не сможет. Вот тогда решение придется принимать смертоносцу.

Соленый качнулся вперед, занимая место на самой макушке мачты, плотно обхватил чуть влажное дерево лапами и замер в ожидании событий.

Как и любой из пауков, он мог моментально сориентироваться в самой сложной обстановке, выбрать единственно правильное решение из всех возможных, тщательно обдумать внезапно возникший вопрос.

Точно так же как и любой из смертоносцев, он переставал думать на то время, пока этих самых сложных обстановок и внезапных вопросов не появлялось.

Корабли стояли, вытасканные на берег. В только что прочесанных армией смертоносцев кустарниках никак не могло уцелеть ни единого опасного существа.

Моряки питались недавно выловленной рыбой и запивали ее слегка разведенной вином водой. За порядком следили опытные надсмотрщицы. Ничего, нуждающегося в обдумывании не происходило – и Соленый перестал думать. Именно поэтому он не знал, сколько дней прошло с момента ухода армии на битву и до возвращения первых пауков.

Вот над барханом появилась серая спина.

Соленый заметил ее и впервые за последние дни в его сознании возникла первая мысль: «Почему паук возвращается один?»

Следующий мыслью было недоумение от того, что вернувшийся смертоносец не вступает в мысленный контакт.

Соленый попытался почувствовать мощное сознание возвращающейся армии, но на его призыв откликнулось всего лишь несколько жуков-бомбардиров.

«Подождите нас, мы близко» – просили они.

Соленый неуверенно пошевелился на мачте, пытаясь оценить происходящие события, но ничего правдоподобного предположить не смог. Вскоре над барханом блеснули черным глянец спины жуков. Вокруг шестипалых двигалось еще несколько пауков.

– Где все остальные? – удивился Соленый, не понимающий, что происходит.

– Они остались в пустыне, – ответил кто-то из вернувшихся. Там нет еды, у них не хватило сил вернуться.

– Надо было съесть нескольких пленных, – напомнил Соленый про обычай военного времени.

– У нас нет пленных, – ответили ему. Соленый начал понимать: пришельцы как-то узнали про выступление армии смертоносцев, развернулись и убежали назад. Пауки остались далеко от берега, в пустыне без пленных, а значит – без еды, без сил на возвращение. Он даже подумал послать им на встречу часть моряков, но вовремя спохватился: моряков слишком мало, чтобы спасти армию, а корабли без людей – мертвы.

Бессильные смертоносцы и жуки забирались в корабли, ложились на палубу и замирали. Даже добравшись до берегового лагеря, они почему-то не стремились наполнить свои желудки.

Соленый вновь погрузился в ожидание.

И опять на гребне бархана появились серые спины. На этот раз вернувшиеся пауки сразу вступили в мысленный контакт, и Соленый получил простой и ясный приказ Дравига – спускать корабли на воду, готовиться к отплытию.

Соленый соскользнул с мачты вниз, выскочил на берег и стал раздавать приказы надсмотрщицам. Те принялись торопить моряков. Как это нередко бывает, обленившиеся двуногие крайне неуклюже взялись за работу, в результате чего двое из них растянули мышцы. Соленый приказал отвести пострадавших на те корабли, где лежали уставшие пауки, чтобы те избавили несчастных от боли, а сам продолжал руководить подготовкой к отплытию.

Смертоносцы во главе с Дравигом приблизились. Их было удивительно мало. А где остальные? – опять спросил Соленый. Он забеспокоился, что слишком рано спустил корабли, что, возможно, придется подождать еще некоторое время, пока подтянутся отставшие. Но тут один из пауков метнул ему мысленную картинку, и стало ясно все.

Непобедимая армия смертоносцев разгромлена, большинство пауков затоптаны в песок, Посланник Богини сгинул на поле битвы.

Нужно немедленно отплывать в город, чтобы предупредить Смертоносца-Повелителя об опасности.

К счастью, ветер благоприятствовал переходу и уже следующим днем корабли благополучно встали у причалов. Пассажиры покинули палубы, но Соленый никуда не мог отлу-

читься, поскольку остался единственным пауком и должен был контролировать погрузку провианта и воды. Он не смог даже сбегать в квартал рабов на охоту. Хорошо хоть, смертоносцам на кораблях не нужно много двигаться, и он пока не испытывал голода.

Внезапно в мысленный контакт с ним вступил сам Смертоносец-Повелитель. Корабли получали приказ вернуться к побережью и искать там Посланника Богини.

Вот тут Соленый впервые испытал страх. Он понял, что руководить флотом ему придется в одиночку. Если всего несколько дней назад под каждым парусом сидел смертоносец, который олицетворял собой власть, контролировал управление кораблем надсмотрщицей и поддерживал разговор с другими пауками – даже если те находились далеко за горизонтом, то теперь все командиры морских судов лежали в далеких песках. На весь огромный флот Соленый остался один.

Однако приказы Смертоносца-Повелителя должны исполняться в любом случае – и Соленый вывел флот из порта.

По пути он приказал надсмотрщице подвести свой корабль по очереди к каждому из остальных и отдал начальницам четкий и конкретный приказ. Выйдя из устья реки, корабли выстроились вдоль побережья на расстоянии прямой видимости друг от друга и спустили паруса.

Все с надеждой ждали, что рано или поздно к морю выйдет одинокий усталый человек, которого нужно будет немедленно подобрать и поднять парус – по этому сигналу весь флот должен собраться вокруг флагмана.

Вновь потекли дни ожидания.

И опять вместо радостных вестей пришли горькие – из города прибежал Быстрый и принес весть о том, что Посланец Богини жив, и смог добраться до Смертоносца-Повелителя сам. Но это не смогло ничего изменить – после отказа Хозяина жуков-бомбардиров выдать людям для обороны от пришельцев жнецы, Повелитель приказал всем покинуть город, дабы пауки не гибли напрасно в сражениях с чересчур опасным врагом. Флоту предписывалось встать на якорь рядом с Дельтой и ждать там подхода беглецов.

Соленый затрепетал – никогда в жизни он не мог подумать, что своими глазами увидит легендарную родину Великой Богини. Нечаянная удача заслонила собой даже ту огромную беду, что пришла в земли смертоносцев.

Изгнанники, совершая пеший переход из Дельты в Провинцию провели в пути десять дней.

Корабли двигались куда быстрее пеших людей. Всего через три дня впереди показалась сочная зеленая полоса, и вскоре моряки буднично выволокли суда на священный берег Дельты.

Здесь все было иначе – незнакомые деревья, острые запахи, яркие краски. Сам воздух казался сочнее, плотнее, приятнее.

Словно частица солнечного тепла вливалась вместе с ним в широко раскрытые дыхальца, делая мышцы – сильнее, мысли – отчетливее, зрение – острее.

Двуногие тут же занялись своим любимым делом – стали разводить костры. Поначалу они собирали сухие ветки и толстые стебли травы вдоль берега, потом один из моряков отошел чуть дальше в заросли и почти сразу послышался его истошный вопль, сразу сменившийся предсмертным хрипом. Еще несколько двуногих кинулись на помощь – и очень скоро окрестности огласились воплями новых несчастных.

Люди приостановились, опасаясь подходить ближе. Вскоре к месту происшествия подбежала одна из надсмотрщиц, протолкалась вперед. Спустя несколько минут она подбежала к кораблю и склонилась перед Соленым в поклоне, означающем просьбу.

– Чего ты желаешь, Назия? – Эту морячку паук знал.

– Я не могу справиться с обязанностями, повелитель, – склонилась надсмотрщица еще ниже. Молю тебя о помощи и снисхождении.

Соленый выпрыгнул на песок, быстро промчался вперед. Двуногие почтительно склонились перед восьмилапым господином, уступая дорогу, и смертоносец увидел высокий куст, густо усыпанный крупными алыми ягодами. Среди ягод висело три безвольных тела, пробитых огромным количеством длинных тонких колючек.

Ручейки крови, стекая с погибших на землю, уже образовали большую, сладковато пахнущую лужу.

Паук, в отличие от безмозглых двуногих, сразу понял, что растение представляет собой живую ловушку и приближаться к нему не стал. Моряки затаили дыхание. Они с ужасом ждали, кто получит приказ снять погибших друзей для принятого на флоте захоронения мертвых в воде. После некоторого колебания смертоносец подозвал Назию и кратко приказал – В густые заросли никому не заходить. Тел с куста не снимать.

Это было первое отступление от заведенных обычаев, которое совершил Соленый.

В течение нескольких часов все оставалось спокойным – дымили костры, горько пахла печеная рыба, жарко пекло солнце, дул с моря легкий солоноватый ветерок, как вдруг с ближайшего дерева спорхнула вниз его пепельная крона и накрыла собою сразу несколько костров.

Пламя, потухая, смрадно дохнуло паленым мясом, а люди, отчаянно вопя, заматались по берегу.

Некоторые из них догадались упасть между бортами кораблей, с головой в воду, но большинство бестолково бегали вперед-назад, размахивая руками, сталкиваясь и падая.

Слой укрывший их шевелящейся листвы становился все тоньше, и вскоре стало понятно, что на людей напали махонькие мягкотелые гусеницы с длинными тонкими ножками. Каждая из них стремилась откусить себе маленький кусочек сочной живой плоти и поскорее убежать.

Отбиваясь, люди уничтожили сотни из них – но тысячам удалось добиться своей цели.

– Все на борт! – принял Соленый единственно возможное решение. Возвращайтесь, пока вас не сожрали!

Повторять приказ дважды не потребовалось.

Побросав недоеденную рыбу, моряки дружно навалились на засевшие в песок носы кораблей и одним порывом спихнули их на воду. Вскоре флот качался на волнах в нескольких десятках шагов от берега, а смертоносец, волею судьбы ставший единственным руководителем, мучился в раздумьях.

Правила поведения в море вырабатывались на протяжении нескольких столетий.

Они предписывали всегда иметь на борту запас фруктов и овощей для двуногих на несколько дней, они предписывали во время плаванья через день причаливать к берегу и давать двуногим время на поимку рыбы, разведение огня и еду, правила предписывали каждого умершего немедленно сбрасывать в море, отойдя от берега за пределы видимости. Любой смертоносец, получавший право командования на море, в первую очередь усваивал главную истину бескрайних водных просторов – без людей корабли мертвы.

Морские пауки никогда, как бы они не голодали, никогда не подкрепляли свои силы членами команды, они всегда следили за здоровьем моряков, вовремя меняя ослабевших или больных на сильных и здоровых, они всегда защищали и поддерживали своих надсмотрщиц – именно поэтому только на флоте женщины, получившие незначительные увечья, оставались жить и командовать.

Только что в сознании Соленого столкнулись между собой два закона: он оставил на берегу трех мертвых моряков, не придав воде их тела, он лишил команду отдыха и еды. Но – «без людей корабли мертвы»! На берегу оказалось слишком опасно.

В поисках решения Соленый попытался расширить свое сознание, слив его с сознанием «Быстрого», но посланец Смертоносца-Повелителя оказался слишком молод и не имел никакого опыта.

– Что вы прикажете, повелитель? – подошла Назия и склонилась в низком поклоне.

В ее сознании роились примерно те же самые мысли, что и у невольного руководителя флота: на борту осталось только три корзины яблок, их хватит разве на один день. К тому же моряки, лишенные возможности есть мясо или рыбу, быстро ослабеют и заболеют.

Соленый внимательно обдумывал возникшую ситуацию, дробя ее на все более мелкие составляющие, внимательно обдумывая эти составляющие и дробя их дальше – надеясь отыскать в мелких деталях ключ к решению.

«Флот должен встать рядом с Дельтой на якорь и ждать прихода беженцев, которых выведет из города Посланник богини».

«Флот должен встать рядом с Дельтой на якорь. И ждать прихода беженцев. Которых выведет из города Посланник Богини».

«Флот должен встать. Рядом с Дельтой. На якорь. И ждать. Прихода беженцев. Которых выведет. Из города Посланник Богини».

На миг показалось, что ответ начал проявляться: «Рядом. С Дельтой» – где «рядом»? В каком месте? Дельта очень велика... Однако в процессе осмысления призрачная надежда на ответ улетучилась – опасность подстерегала людей в любом районе Дельты.

Соленый снова вернулся к дроблению возникшей проблемы на составляющие:

«Флот. Должен. Встать. Рядом. С Дельтой. На якорь. И ждать. Прихода. Беженцев. Которых. Выведет. Из города. Посланник Богини».

«Флот – корабли, моряки, надсмотрщицы, смертоносцы. Должен – приказ Смертоносца-Повелителя обсуждению не подлежит. Встать – никуда не двигаться, ничего не предпринимать. Рядом – очень близко, неподалеку, в пределах видимости. С Дельтой – священным лесом, полным энергии, света, движения, роста, который является родиной источника жизни на Земле, Великой Богини Дельты. На якорь – закрепить на одном месте, никуда не перемещаться. И ждать – готовиться к встрече, обеспечить соприкосновение, близкий контакт. Прихода – пешее передвижение по суше. Беженцев – обитателей города, отступивших перед натиском захватчиков, смертоносцев, их охранниц, надсмотрщиц, слуг, рабов...»

И вновь Соленому показалось, что перед ним забрезжил ответ. Он остановил свои мысли и вернул их немного назад: «ждать – готовиться к встрече, обеспечить соприкосновение, близкий контакт. Прихода – пешее передвижение по суше. Беженцев – обитателей города, отступивших перед натиском захватчиков, смертоносцев, их охранниц, надсмотрщиц, слуг, рабов».

Флот получил приказ ждать – то есть, подготовиться к встрече.

Слабых, голодных и больных моряков нельзя считать готовыми к встрече с изгнанниками. Без людей корабли мертвы.

Прихода – то есть, они будут передвигаться по суше своими ногами. Беженцев – пауков, охранниц, слуг. Мужчины слабы, они не могут передвигаться быстро. Идти далеко – мужчины устанут и будут идти намного медленнее, чем обычно. Корабли двигаются примерно втрое быстрее сытого, здорового мужчины. Значит, беженцы придут только через несколько дней. Значит, для выполнения приказа «ждать» – то есть, для подготовки к встрече – у флота есть несколько дней.

Соленый, завершив размышление, испустил импульс огромного облегчения и стегнул надсмотрщицу резким приказом:

«Поднять паруса! Вернуться к границе Дельты и пустыни!»

Теперь паук был абсолютно уверен – уходя от места встречи, он в точности выполняет приказ Смертоносца-Повелителя.

На побережье моря всегда хватает выброшенного волнами мусора, которое солнце пустыни быстро превращает в отличное топливо. Соленый остановил корабли совсем рядом с Дельтой – из-за горизонта выглядывали макушки самых высоких деревьев. Широкая полоса песка надежно защищала моряков от возможных хищников. Двуногих можно было без опаски высадить на берег и позволить им в полное свое удовольствие заняться любимым делом – ловить рыбу и тут же обжираться ею до полной потери движения.

Целых три дня люди отдыхали, набивали животы и безмятежно валялись в тени высоких бортов, и только на четвертое утро суда снова закачались на волнах – Соленый возвращался к месту встречи.

Два дня ожидания не принесли успеха – беженцы так и не появились. Не смотря на старания обоих смертоносцев, не удалось установить и мысленного контакта. За это время у двуногих закончились взятые из города яблоки. Людям удавалось удить рыбу прямо с кораблей, но вот превратить ее в пищу без огня моряки не могли. Дрова имелись совсем рядом, на берегу, под кронами разлапистых деревьев – но высаживаться за хворостом никому не хотелось. Вечером третьего дня Назия сообщила, что в кувшинах кончается питьевая вода.

Самое неприятное, Соленый сам начал ощущать первые признаки голода. Поначалу паук не очень удивился подобным ощущениям – как никак, он ничего не ел еще со дня отправления армии Смертоносца-Повелителя навстречу захватчикам, однако вскоре понял, что это не совсем верно. Для сидящего на одном месте паука полгода голодовки – пустяк, не заслуживающий внимания.

Соленому много бегать не приходится, и оголодать так быстро он никак не мог. Однако, точно такое же «желудочные» ощущения у Соленого возникали и раньше – перед жестокими морскими штормами.

– Паруса на мачты! – отдал он приказ, приподнявшись на всю длину лап и перетаптываясь взад-вперед. – Двигаться вдоль берега как можно быстрее!

Небо пока еще сверкало чистой голубизной, и это давало некоторые шансы. Для спасения флота нужна была бухта, нужна немедленно! Смертоносец помнил, что на всем пути сюда от устья реки не встретилось ни одного подходящего укрытия от непогоды. Значит, это укрытие требовалось найти где-то впереди, или суденышки расшвыряет и изломает как хрупкие тростинки. Сейчас Соленый не очень задумывался над тем, что уходя вперед он нарушает приказ своего повелителя. Если «флот должен ждать», то значит флот должен уцелеть, а не сгинуть в пучине, выполняя распоряжение.

Люди пока не понимали, за что их заставляют тягать тяжелый такелаж на голодный желудок, однако кнуты надсмотрщиц быстро расшевелили лентяев. Откровенно нервничала только Назия. За много лет службы она отлично узнала своего повелителя, и если для Соленого верным признаком урагана было ощущение голода, то для женщины – топтание паука на вытянутых лапах. Недвусмысленные пояснения надсмотрщицы подействовали на моряков куда хлестче кнута – и флагманский корабль скользил вдоль побережья, намного опережая всех остальных.

На берегу разлапистые лиственные деревья сменились стройными пальмами, потом совершенно неожиданно появился густой сосновый бор, над которым вились стаи перепуганных чем-то стрекоз, снова пошли пальмы. Появилась и исчезла позади огромная гусеница, невозмутимо скусывающая пальмовые макушки в то время, как две жужелицы пытались отожрать у нее одну из задних ног. Вырвался из зарослей высокого кустарника и кинулся в воду огромный зверь, покрытый крупными, похожими на бородавки наростами. Из пасти его торчали не хелицеры, а длинные белые то ли бивни, то ли клыки. Впрочем, атаковать суда вплавь зверь не решился и только щелкал им вслед зубастой пастью.

Небо потемнело, став из ярко-голубого темно-синим, со стороны открытого моря понеслись мелкие белые обрывки облаков.

Береговая линия изгибалась, иногда появлялись мелкие лагунки, годные только на садки для порифид, иногда поперек дороги вырастали желтые песчаные косы. Ничего даже близко похожего на бухту. Линия далекого горизонта начала зловеще темнеть, волны, предвкусывая веселье, заметно прибавили в высоту и обзавелись белыми барашками.

Теперь жалоб на голод уже не слышалось ни на одном корабле. Люди забыли про еду и жажду, они с ужасом вглядывались в далекий горизонт, с надеждой – во флагманский корабль, ведомый мудрым смертоносцем, а губы их тем временем непрерывно шептали мольбы совсем близкой Великой Богине.

Ударили первые порывы мокрого, холодного ветра. Это был еще не шторм, а лишь предупреждение о том, что несут в себе низкие черные тучи, неторопливо ползущие по небесам. Волны поднялись чуть не в человеческий рост, они с яростью накидывались на берег, выкатываясь далеко под стволы деревьев, и было непонятно, как их тяжелые удары еще не закинули небольшие суденышки на песок.

И тут Соленый разглядел впереди протоку.

– Рулевой! – закричала Назия указывая вперед кнутом, корабль качнулся. Парус захлопал, но тут же снова наполнился крепким ветром.

Никогда в жизни Соленый не рискнул бы входить в устье реки под всеми парусами – но времени опускать белые крылья и выбрасывать на воду весла просто не оставалось. Корабль накренился, разбил форштевнем отраженную от крутого берега волну, вывернул за крутую излучину и оказался на неправдоподобно ровной рядом со штормовым морем воде. Настолько ровной, что в ней, как в зеркале, отражались и высокие деревья по берегам, и высокая коричневая мачта, и изумленно-радостные лица моряков над бортами.

Назия выжидающе оглянулась на смертоносца, но паук не спешил давать команду остановиться – позади шли другие корабли. Не стоит создавать затора у самого устья, нужно оставить место остальным.

– Рулевой! – поняв, что остановки не будет, надсмотрщица предупредила моряка о близком повороте русла.

Судно постепенно замедляло ход – высокий лес, росший по берегам, «гасил» ветер. Впрочем, на узком извилистом русле это было только на пользу. С тихим шипением нос корабля рвал зеркальную поверхность реки, разбегалась по сторонам длинная пологая волна.

Позади раздался радостный вопль – это следующий корабль смог проскочить в узкие ворота, отделяющие штормовое море от тихого речного протока. Чуть не в нескольких шагах за ним белел еще один парус, а следом еще и еще.

– Разворачиваться трудно будет, – вздохнула Назия, всматриваясь в растительность на близком берегу. Похоже, прыгающих тварей здесь нет.

Тем временем парус окончательно обвис, и надсмотрщица вновь склонилась в поклоне:

– Прикажете спустить весла? Соленый не ответил. По оценке паука, места на реке хватало уже всем.

– Опустить парус, – прекрасно поняла повелителя Назия. – Бросить якорь. Клац, Зеленый, Ухье: наполнить кувшины водой. Только попробуйте сперва, вдруг соленая. Не должна, но всякое бывает...

Моряки засуетились, опуская канаты, подвязывая грубую парусину. Шумно плюхнулся за борт тяжелый якорь из просверленного посередине валуна.

Одноухий мужчина с большим кувшином выбрался из кормового трюма, деловито обвязал горлышко веревкой, склонился над бортом. Короткий вскрик, в воздухе мелькнули босые ноги и – тишина. Почти все моряки дружно кинулись к борту, однако на поверхности воды не осталось никаких следов.

– Утонул? – удивленно спросил кто-то. В этот момент послышался глухой стук с противоположной стороны. Вскоре над бортом появилась большая темно-темно коричневая клешня, следом другая. Еще через мгновение закачались два маленьких глазика на тонких палочках. Быстрым движением клешня цапнула ближайшего человека и вместе с добычей исчезла, подняв тучу брызг.

Снова послышался стук, и над бортом закачались новые клешни. Люди испуганно столпились посередине. Речное чудище, не сумев ни до кого дотянуться, начало неторопливо переваливаться через борт. В длину оно составляло чуть не половину судна, множеством ножек и двумя клешнями напоминало скорпиона – но только не имело хищно изогнутого ядовитого хвоста.

«Команду истребляют!» – внезапно сообразил Соленый, ударил чудище волевым парализующим лучом и кинулся вперед. Ментальный удар коричневая тварь выдержала, однако движения ее все равно замедлились. Паук вонзил хелицеры в сегментарный хвост – мягкий хитин легко поддался – и впрыснул яд. Чудище сделало вперед пару неуверенных шажков и замерло.

Тем временем стук начал доноситься сразу со всех сторон.

– Чего стоите, как столбы?! – спохватившись, закричала Назия. – Весла хватайте!

Она взмахнула кнутом и ловким ударом сбила сразу два высунувшихся над бортом глаза. Соленый хлестнул другое чудище лучом страха – и оно, к счастью, отвалилось. Мужчины начали расхватывать сложенные вдоль скамеек весла и яростно «вколачивать» обратно все то, что высовывалось из воды. Стук и плеск продолжался еще какие-то минут десять, после чего атака чудищ прекратилась. Некоторое время моряки выжидали, глядя по сторонам, а потом надсмотрщица хрипло напомнила:

– Клац, Зеленый, если вы немедленно не возьметесь за кувшины, через пару дней мы передохнем от жажды. Двое из матросов опустили весла и, поминутно вздрагивая, стали бросать за борт привязанные на веревку кувшины, вытаскивать их на борт, переливать воду в более крупные и снова кидать за борт. На кувшины, как ни странно, никто не набрасывался.

«Неужели ушли?» – эта мысль вселила в смертоносца облегчение, а тревогу.

Он повернулся и стал вглядываться в остальные корабли, бросившие якорь далеко позади. Большинство стояли спокойно, и только один как бы приплясывал на месте, широко размахивая мачтой. Что там происходит – догадаться, увы, не сложно. Справятся двуногие сами или нет? Смертоносцев на весь флот всего двое...

Буря оказалась короткой – незадолго до темноты небо начало расчищаться. Люди заметно обрадовались: спать можно будет в море, на безопасном удалении от берега, а не среди голодных клешневых тварей. Под руководством Назии моряки с помощью весел развернули судно и не спеша, по течению, стали скатываться к открытой воде.

Уже в сумерках выходя в море, Соленый увидел, что попасть в реку удалось не всем: на пляже лежал на боку несчастный, изломанный корабль, без мачты и с выбитой наружу палубой.

Видимо, рулевой не рассчитал маневр и наскочил форштевнем на пологий берег. Остальное сделала буря.

Самое ужасное – вокруг судна царил тишина. Никто не сидел грустно рядом, никто не звал на помощь, никто не просил взять с собой. Корабль погиб, команда сгинула. А виною – маленькая ошибка одного из двуногих. Люди так же проводили взглядами погибшее судно, но вслух никто ничего не сказал.

Есть одно нехитрое правило, из которого покамест не бывало исключений: пресноводная живность не живет в соленой воде, а морская – в пресной. Соленый отвел флот от берега за пределы прямой видимости и только после этого разрешил лечь в дрейф, уверенный, что уж сюда-то речные чудища не доберутся. Усталые моряки забрались в теплые выворотки

и почти мгновенно заснули. Солёный прошел взад-вперед вдоль парализованной хищной твари, которая так и осталась лежать в центральном проходе, примерился к клешне, вонзил хелицеры в ее основание, несколькими сильными рывками отодрал, быстро замотал в паутину и впрыснул пищеварительный сок. Немного выждал, давая мясу перевариться, а потом всосал густую сытную жидкость.

С тех давних пор, как в детстве ему удалось поймать муху, это был первый случай, когда он ел не мягкое и чистое человеческое тело, а дикую, неухоженную охотничью добычу. Естественно, чудище насквозь пропиталось запахом водорослей, имело сильный привкус одревенелого хитина и какой-то гнилостности – однако выбора смертоносца не имел. Он понимал, что о вольной охоте в квартале рабов можно забыть раз и навсегда, а команду нельзя трогать ни при каких обстоятельствах. До победы над пришельцами придется есть не то, что хочется, а то, что удастся добыть.

Хорошо хоть, морским смертоносцам не нужно много двигаться, и задумываться о пище придется два-три раза в год.

Опустошив белый паутиный кокон, Солёный выбросил его за борт и замер на передней смотровой площадке, ожидая рассвета.

* * *

Утром корабли подошли к берегу и уткнулись носами в песок неподалеку от погибшего судна. Не в пример своему обычному поведению, двуногие отнюдь не торопились выпрыгивать на сушу, с подозрением вглядываясь в ближние бамбуковые заросли. Наверное, они и вовсе предпочли бы отсидеться на борту, но недвусмысленный приказ смертоносца побудил моряков с двух соседних кораблей двинуться на разведку.

Люди запаслись тяжелыми веслами, так выручившими их прошлым днем, и все время держались наготове – однако, то ли местную живность отпугнул шторм, то ли она успела хорошо подкрепиться и сейчас отсыпалась где-то в дебрях, но никто на пришельцев не напал.

Последней на пляж выпрыгнула Назия.

Солёный, фактически в одиночку отвечавший за судьбу всего флота – молодой и неопытный Быстрый не в счет – не рискнул лично осматривать погибший корабль. Он вошел в плотный мысленный контакт со своей надсмотрщицей и послал ее вместо себя.

Это был не тот официальный контакт-замещение, когда сознание двуногого полностью вытесняется, и человек, сохраняя свой облик, тем не менее перестает быть низшим существом, ведя переговоры как Жук-Хозяин или Смертоносец-Повелитель. На этот раз Солёный просто смотрел глазами женщины, слушал ее ушами, осязал ее руками.

Двуногие, безусловно, представляют собой неполноценные организмы, сохраненные Великой Богиней лишь для служения жукам и смертоносцам, но в качестве утешения они получили великодушный дар: слух!

Надсмотрщица стояла лицом к изломанному кораблю, но одновременно она осознавала шуршание волн по песку слева от себя, шелест листьев на деревьях далеко позади, поскрипывание песка под ногами моряков справа.

– Что мы будем делать, госпожа? – оглушающе для смертоносца прозвучал вопрос одного из моряков.

Назия повернула голову, и мужчина тут же испуганно упал на колени.

Осмелиться первым заговорить с женщиной! В городе за такую дерзость его тут же сослали бы в квартал рабов! Впрочем, они не в городе. Странные места, опасности, голод и усталость, необходимость проводить разведку в месте, рядом с которым водятся жуткие

чудища – все это могло помутить рассудок у кого угодно. Назия коротко щелкнула хлыстом и пошла вперед. Моряк поднялся, облегченно потирая свежую багровую полосу на плече.

Чуть впереди послышалось шуршание, затрепетали ветви низкой молодой акации. Назия остановилась, прислушалась, подступила ближе и кнутом отодвинула листву. Моментально шмыгнули по сторонам маленькие серые тени. Женщина увидела длинную белую кость, лежащую поперек мягкой флотской сандалии и чисто обглоданный человеческий череп. Обглоданный снаружи – сквозь глазницы проглядывали какие-то темные потеки внутри, причем оттуда доносилось чье-то воодушевленное чавканье.

Первой мыслью надсмотрщицы было поддать череп ногой и напугать этого неизвестного проглоты до полусмерти, чтобы его больше никогда в жизни не тянуло на человечину. Второй – нежелание столь бесцеремонно обращаться с останками погибшего собрата.

Женщина отступила, повернулась к кораблю. В двух шагах перед ней лежала судорожно вцепившаяся в вывернутый из земли корень кисть руки.

Совершенно целая кисть – и больше ничего.

Позади послышался глухой удар. Назия обернулась – четверо мужчин яростно молотили веслами по поросшей высокими колосьями травяной кочке. Прежде, чем надсмотрщица успела открыть рот, кочка была размолота в мелкие клочки и раскидана по песку.

– Ну? – кратко поинтересовалась женщина, глядя на моряков.

– Шевельнулось там что-то, – неуверенно предположил один из них.

– Ладно, – вздохнула Назия и снова повернулась к кораблю.

Погибшее судно лежало на боку. Мачта, переломанная сразу в трех местах, улетела на несколько шагов в сторону и лежала, словно на постели, на целехоньком, словно только что полученном из Черной Башни парусе. Передний помост, предназначенный для смертоносца – командира корабля отсутствовал. Его не было вообще, ни на своем месте, ни рядом, ни в обозримом пространстве.

Кормовая и носовая надстройка уцелели, а вот палуба вместе с лавками гребцов вылетела наружу, обнажив главный трюм.

Кувшины для воды, запасные сандалии и туники, пустые корзины, бухты канатов, продолговатые камни балласта, штормовые ремни высыпались наружу. Вперемешку с вывернутыми из корабельного брюха припасами валялись чисто обглоданные человеческие черепа и кости. Похоже, у местного зверья вчера и вправду удался сытный ужин. Назия подошла ближе. Послышался тихий утробный рык.

Женщина остановилась, взмахнула кнутом, как бы проверяя его прочность, потом оглянулась на мужчин:

– А ну, ко мне! Ближе.

Моряки собрались у надсмотрщицы за спиной, держа наготове весла. Назия почувствовала себя увереннее и сделала шаг вперед.

Опять послышался рык. Из пролома, который образовался вместе стыка палубы и кормового трюма высунулась покрытая наростами морда с длинными клыками, громко щелкнула.

Соленый инстинктивно попытался ударить врага парализующим волевым лучом, на мгновение забыв, что зверя видит надсмотрщица, а сам он находится совсем в другом месте, на своем помосте в носу полувытащенного на берег корабля. Назия, само собой, пользоваться своей волей не умела.

В памяти всплыли слова мудрого Шабра: «Слух, это счастливый дар и беда двуногих. Умея слышать речь друг друга, они не ощутили потребности развивать способность к мысленному контакту».

Назия тем временем подошла еще ближе. Зверь рычал, но наружу не высывался.

В новообретенной норе он чувствовал себя в полной безопасности.

Отяжелевший от еды желудок просил покоя и вступать в поединок с кем бы то ни было зверь не хотел. Надсмотрщица оглянулась на моряков:

– А ну-ка, соберите все, что может пригодиться на борту и отнесите на корабль. Двое встаньте перед кормовым трюмом, и если эта тварь высунется, бейте ее веслами по морде.

Мужчины, опасливо косясь на клыкастую морду, стали собирать рассыпанное добро.

Примерно за полчаса песок заметно опустел. После этого Назия приказала вытащить из флагманского корабля лежащее там чудище, и переволочь его в трюм погибшего судна.

Соленый так и не понял, то ли женщина сама догадалась заставить жертву крушения сослужить последнюю службу, то ли к ней в сознание передались мысли паука. Но, впихнув влажно поблескивающее темно-коричневое речное чудище в опустевший трюм, надсмотрщица подожгла погибший корабль и торопливо отступила назад. Спустя считанные мгновения пламя с воем взметнулось к небу, и вою огня вторил отчаянный вопль заживо запекающегося зверя. Примерно через час опасливо ступающие по горячим углям моряки добрались до покрытых горелой коркой туш, расковыряли их и от всей души наелись горячим печеным мясом.

Еды хватило на всех. Обожравшиеся двуногие заметно повеселели и дружно повернули корабли в уже знакомое место – туда, где, по мысли Соленого, должна была состояться встреча с беженцами из города. Впрочем, в виду зарослей Дельты флот простоял только один день. Не установив ни с кем мысленного контакта, на следующее утро Соленый опять повел флот к пустынным берегам за пределами слишком опасных джунглей.

На этот раз пришлось удаляться значительно дальше – на прежнем месте отдыха все, что только может гореть, моряки уже успели спалить. В итоге на место встречи флот вернулся только через день. И опять Соленый и Быстрый не смогли ощутить присутствия разумных существ на ощутимом расстоянии.

– А если Смертоносцу-Повелителю удалось уничтожить пришельцев? – неожиданно спросил Быстрый. Тогда никто из города уходить не станет, а мы напрасно задерживаем корабли вдали от повелителя мира!

Соленый не мог не признать справедливости подобного предположения. Разгром армии смертоносцев сам по себе казался невероятным, совершенно неправдоподобным событием. Даже если злой рок каким-то образом помешал паучьему войску истребить пришельцев в пустыне, то почему при повторном сражении все не может встать на свои места? Захватчики подошли к городу, их встретил Смертоносец-Повелитель во главе оставшихся пауков и уничтожил! Все очень просто. Флот напрасно теряет время, ожидая несуществующих беженцев – хотя, может быть, именно сейчас повелитель нуждается в кораблях.

– Поднять паруса!..

На этот раз Соленый двуногих не жалел – флот должен был как можно быстрее вернуться в город, в распоряжение Смертоносца-Повелителя. Если часть моряков и не выдержит голодной гонки, то из воспитательных домов всегда можно получить десяток-другой новых. Смертоносец подумал о том, что пополнение нужно запросить заранее: считать он, как почти все восьмипалые, не умел, но помнил – двуногих погибло много. Двух он отдал усталым паукам, вернувшимся с битвы, трое попались на куст с колючками, двух утащили чудища на реке. Возможно, на других судах тоже были потери.

Один, два. Два, и еще один. Все что больше – много. Таковы были знания Соленого в арифметике. Наверное, знай паук, что необразованная Назия умела считать не то, что до пяти, а до двухсот, складывать, умножать, делить и вычитать – и надсмотрщица стала бы вызывать у него куда больше уважения. А может, Соленый тут же разорвал бы ее в назидание прочим – двуногим запрещено приобретать любые знания.

Двуногим под страхом смертной казни запрещалось умение писать и считать, запрещалось строить любые механизмы и пользоваться инструментами, а уж тем более запрещалось иметь оружие.

Однако смертоносцы желали получать от двуногих не только их мягкие теплые тела для сытных обедов, они хотели иметь корабли, дома, повозки, охранниц – а потому, по приказу Смертоносца-Повелителя, двуногие брали в руки пилы, валили деревья, обрубали их длинными ножами, распиливали на доски, стругали рубанками, пересчитывали, везли на берег, гнули, сшивали, конопатили, поднимали мачты... И при этом, по общему молчаливому согласию, люди считались необразованными и не имеющими инструментов.

Назии приходилось получать для команды провиант и кувшины для воды, оценивать, на сколько их хватит в зависимости от состава команды, следить за количеством гребцов и здоровьем четверки рулевых, оценивать длину запасных веревок и количество бухт, различать численность молодых моряков и взрослых, нуждающихся в смене одежды и сандалий – и еще множеством других мелочей. Однако смертоносцы предпочитали считать ее безграмотным неполноценным существом, а она предпочитала с этим соглашаться.

До устья реки корабли дошли утром третьего дня и, под полными парусами, повернули вверх по течению. После того, как подобный маневр удался в шторм, да еще на втрое узкой реке, Соленый чувствовал себя намного смелее. Час проходил за часом, но прикосновения могучего разума верховного смертоносца к сознанию двух пауков не ощущалось. Поворот за поворотом – Соленый надеялся, ждал, добивался мысленного контакта всеми силами. Ничего.

Вскоре смертоносец понял – еще немного, и корабли войдут в город. Город, явно попавший в лапы безжалостных врагов.

Соленый приказал спустить паруса.

Быстрое течение остановило движение ослабевших судов, понесло их вниз. Назия, не дождавшись приказа поникшего повелителя, на свой страх и риск дала команду опустить весла на воду. Моряки, двое суток просидевшие на одной воде, работали вяло.

Их хватало только на то, чтобы удержать корабли на стремнине.

Смертоносец молчал.

Назия, опасливо прикусив губу, сдвинула флагманский корабль ближе к берегу, на более спокойную воду.

Соленый не реагировал.

Надсмотрщица придвинулась к берегу так близко, что под днищем зашуршали прибрежные водоросли, а склонившиеся над рекой деревья застучали ветвями по высокой мачте.

Паук оставался недвижим.

В конце концов движение совершенно застопорилось.

Назия выждала еще немного, ожидая гнева или согласия восьмилепного повелителя, а потом разрешающе махнула рукой.

Моряки высыпались на берег, разматывая снасти. Часть сразу вломилась в прибрежный кустарник, ломая сухой хворост и разводя огонь. Вскоре запахло печеной рыбой, послышались довольные голоса. Дав мужчинам немного подкрепиться, Назия распорядилась запастись пресной водой и хворостом – она уже поняла, что самым главным дефицитом в ближайшее время будут именно дрова.

Через несколько часов корабли отошли от берега, в скудном свете первых звезд тихо выскользнули из устья реки, подняли паруса и опять повернули к Дельте. Следующий день весь ушел на дорогу, а утром третьего, при молчаливом попустительстве Соленого, Назия разрешила сделать короткую остановку.

В третий раз флот причалил к пустынному берегу неподалеку от Дельты.

Все, что только могло гореть, тлеть или обугливаться уже давно было собрано и использовано в дело. Надсмотрщица искренне порадовалась, что догадалась заготовить запас хвороста, но с грустью убедилась, что почти половина топливного резерва с первой же попытки обратилась в дым.

Соленый вышел из транса только тогда, когда корабли легли в дрейф «рядом с Дельтой». Он объединил свое сознание с сознанием Быстрого и в который раз бросил клич, надеясь услышать ответ спасшихся из города беглецов. И опять безуспешно. Неужели погибли все?

«Двигаться сквозь густые заросли Дельты трудно и опасно, – колыхнулись в ответ мысли Быстрого. Может быть, смертоносцы города обогнули ее и ожидают по ту сторону джунглей?».

И вновь зажурчала за кормой морская вода, наполнились ветром паруса, заскукали, потирая животы, моряки. К вечеру флот миновал устье речушки, спасшей его от шторма. Волны еще не успели смыть темное угольное пятно – траурную метку погибшего корабля. Среди углей, что-то выискивая, оживленно копошились ярко-оранжевые пушистые гусеницы.

Потом растительность на берегу стала заметно ниже ростом, вместо густых джунглей появились сочно-зеленые округлые полянки, украшенные, словно бордюром, низкими кустиками с темно-бордовыми ягодами. Крупному хищнику спрятаться здесь было негде, колючие кустарники двуногие и сами научились обходить стороной. Вполне безопасные с виду места. Когда еще появится возможность дать команде подкрепить силы?

Смертоносец повернулся к надсмотрщице. Та кивнула, оглянулась на рулевого и указала кнутом в сторону близкого берега. Двуногие обрадовано разбежались опускать паруса.

Осторожная Назия приказала разводить огонь из оставшегося на борту хвороста. Костров получилось немного, но все-таки хватило на всех. Моряки ели горячую рыбу, негромко гадая, когда повелитель разрешит сделать очередной привал. Иногда кто-то из мужчин начал говорить слишком громко. Его соседи, опасливо косясь на надсмотрщицу, начинали отодвигаться, и недовольный тут же спохватывался и умолкал. Женщины делали вид, что не замечают ропота. Они прекрасно понимали – морякам приходится тяжело. Еды мало, фруктов нет совсем, вода только речная, грязная...

– Мужики, да они сладкие! – послышался радостный крик моряка, ощипывающего ягоды с куста возле округлой поляны.

Он хотел добавить что-то еще, но слова потонули в жадном чавканье.

Остальные мужчины тоже устремились к неожиданному подарку Великой Богини, благо полян, окруженных темно-красными ожерельями хватало везде. Надсмотрщицы следом не торопились. Все они подумали об одном и том же – не мешает этими ягодами наполнить корзины из трюма. Однако еще до того, как успел прозвучать приказ, послышалось громкое чмокание, одна из полян как бы разорвалась в центре, выпуская на свет огромный темно-бордовый бутон. Прежде, чем кто-либо успел что-то понять, бутон накрыл сразу трех обступивших один из кустов моряков и стремительно исчез под землей.

Люди остоленели от неожиданности.

Снова послышалось чмокание, потом еще. Мужчины спохватились и с воплями ужаса кинулись к кораблям, а поляны тут и там продолжали разрываться – бутоны выпрыгивали наружу и жадно кидались к людям. По счастью, короткий стебель позволял хищному растению хватать добычу только в пределах очерченного кустарником круга. И все же, больше полутора десятков моряков не успели отскочить на безопасное расстояние.

Не дожидаясь новых сюрпризов, моряки торопливо спихнули корабли на воду и отгребли от берега подальше. Теперь они готовы были сидеть без еды до тех пор, пока цветущая, пышущая жизнью и энергией Дельта не останется далеко за кормой.

Ночью Соленый приказал остановиться.

Разумеется, паук желал покинуть пределы родины Великой Богини как можно скорее, и как можно скорее найти покинувших город сородичей.

Но в первую очередь Соленый был моряком. Он не желал упустить в темноте какую-нибудь удобную бухточку, устье реки или широкий лиман. Шторм прилетает внезапно – искать укрытие бывает уже поздно.

Очертания береговой линии, вдоль которой приходится плавать, повелитель корабля обязан знать лучше собственного тела.

Путешествие продолжилось с первыми лучами солнца. Никаких бухт по ходу движения так и не обнаружилось, но вскоре после полудня корабли миновали устье еще одной реки – куда более полноводной, нежели предыдущая. За рекой началось редколесье. Одинокие пальмы – голый ствол и охапка листьев на макушке – стояли друг от друга на расстоянии не меньше десятка шагов. Все пространство между ними просматривалось чуть не до горизонта, никакого неожиданного нападения случиться не могло, но... Но морякам выходить на берег почему-то не хотелось.

По мере движения строй пальм редел все больше, между ними стали появляться пышные кусты с красно-бурыми листьями. Потом кустов стало куда больше нежели пальм – однако вокруг каждого ствола сохранялся чистый, не заросший зеленью круг шагов пять в диаметре. Пару раз на таких чистых кружках обнаруживался то выбеленный ветрами скелет крупной ящерицы, то пустой хитиновый панцирь многоцветного жука-долгоносика.

Наконец Соленый решился рискнуть и скомандовал остановку на отдых и еду. Все то время, пока моряки собирали хворост, готовили еду и насыщались, смертоносец внимательно вглядывался в заросли, ожидая очередного подвоха, но привал прошел на удивление спокойно. Может быть, еще и потому, что двуногие сами вели себя с крайней осторожностью.

Наверное, здешние места были уже проходимы для беженцев, и изгнанники из города действительно могли выйти к морю именно здесь, но в Соленом все более и более нарастала уверенность в том, что ожидание займет много, много дней. А раз так – кораблям нужно укрытие: бухта, достаточно глубокая река, плотная группа островов.

Рано или поздно придет шторм. Встречать его у ровного берега – безрассудство. Через считанные минуты весь флот будет раскидан среди кустов.

Опять выгнулись паруса под напором ветра, а перед форштевнями вспенилась высокая волна. Потянулись назад кустарники, перемежающиеся с причудливо изломанными карликовыми деревьями. Под корнями растений лежал песок, и здесь, на таком расстоянии от Дельты, жизненной энергии Великой Богини уже не хватало, чтобы заменить собой нехватку воды и плодородного грунта. С каждым часом кустарники становились все более чахлыми, редели. Потом осталась только жухлая трава – да и та жалась к самой кромке воды.

Минула еще одна ночь, а утром следующего дня Великая Богиня смилостивилась над скитальцами. За высоким пологим холмом, далеко выдавшимся навстречу волнам, обнаружился длинный каменистый мыс, а между ними – узкая протока, ведущая в обширную глубокую лагуну.

Ширина прохода едва-едва превышала ширину корабля. Соваться туда под парусом было равносильно самоубийству, и даже весла, выпростанные в стороны, скребли краями лопастей камни на берегу. Зато бухта оказалась великолепно – прикрытая со стороны моря высоким холмом, она надежно защищала от любого, самого сильного ветра, ровные каменистые берега возвышались над бортом на высоту площадки рулевого, причем у воды они вертикально обрывались вниз. В нескольких местах из каменного монолита выпирали узкие и высокие надолбы, на которые вполне можно накинуть веревку и притянуть судно к самому берегу.

Можно было подумать, мудрая Богиня создала это место специально для спасения кораблей от непогоды. Существой команды моряков, состоящие из одних пауков, и они спокойно укрывались бы здесь месяцами, в покое и тишине. Увы, двуногие со здешней бухтой не сочетались. Вокруг, куда ни падал взгляд, лежали желтые унылые пески. Для вечно голодных людей здесь не имелось ни дров, ни еды, ни воды.

Впрочем, двуногие, надежно закрепив суда у причальных стен, уже вылезли на берег и с любопытством новорожденных паучков принялись исследовать все кругом. Безжизненность окружающего пейзажа их пока не пугала – после кровавых сюрпризов Дельты мертвые пески скорее радовали, нежели внушали беспокойство.

Соленый опять вошел в плотный контакт с сознанием своей надсмотрщицы и не без интереса следил за ее действиями. В первую очередь женщина направилась к холму. Что-то показалось ей странным в его положении.

Вокруг ровная, как стол, пустыня, а тут вдруг – каменистая бухта, отодвигающий от нее морскую стихию бугор, выступающий ему навстречу мыс из совершенно одинаковых по форме и размерам валунов. Что-то ей это напоминало. Нечто неуловимо знакомое, детское.

Из склонов холма на разной высоте выступали серые камни.

Это тоже показалось Назии странным: холм земляной, открытый всем ветрам, а камни вниз не скатываются, держатся. Она даже поднялась к одному из них и попыталась откатить со своего места, но небольшой с виду булыжник даже не качнулся, словно пустил корни глубоко вниз. Зато надсмотрщица увидела огромное количество темных нор, тут и там пронизывающих откосы. Некоторые достигали такого диаметра, что можно было просунуть голову – но женщина на подобный эксперимент не рискнула. Она спустилась, обошла холм со стороны моря, потом остановилась напротив мыса. Странно, вообще-то. Первый раз она видела протоку, глубина которой превышала ширину. Она даже не поверила Суору и самолично несколько раз кинула с носа веревку с камешком на конце. Оказалось, что не только корабль на мель не сядет, но и веслом тут до дна не достать.

Напротив мыса в холме темнела еще одна нора. На этот раз – словно специально рассчитанная на человека. После короткого колебания Назия вынула из-за пояса кнут и шагнула внутрь.

На миг показалось, что она вернулась в город и находится внутри одного из домов: те же комнаты, те же двери, те же коридоры. Вот только песка внутри намело не меньше чем по щиколотку. Внутри в достатке хватало света он шел через те самые небольшие отверстия-норы, который она обнаружила на склонах. В голове надсмотрщицы тут же возникли хозяйственные мысли – выгрузить сюда с кораблей хворост, чтобы не занимал место и не утяжелял суда.

После каждого похода к Дельте можно набирать как можно больше дров, выгружать здесь и создать запас топлива. Тогда в бухте уже не будет проблем с приготовлением пищи. Рыбы в море хватает везде, а что касается воды – так одну проблему решать будет проще, чем сразу три.

Вот тут-то Назия и вспомнила, откуда в ней зародился такой интерес к подозрительному дому. Когда-то, очень давно, еще совсем маленькой девочкой, они поспорили со своей подружкой Алоникой – откуда взялся город. Назия почему-то считала, что его построили люди, специально для себя. Именно поэтому в домах удобные для людей двери, окна и лестницы. Алоника утверждала, будто дома существовали всегда – как река, небо, ветер, солнце. А люди сами приспособились так, чтобы в этих домах им было жить удобно. Спор закончился ничем – Назия так и не смогла поверить, что люди приспособливали свои ноги для ступеней лестницы, а свой рост к высоте дверных проемов. Но объяснить Алонике, каким образом можно было создать из камня такие огромные сооружения она тоже не смогла.

И вот теперь, спустя столько лет, давний спор разрешился: Алоника была права.

Здесь, в пустыне, на берегу соленого моря стоит холм. Внутри него точно такие же, как в городе, комнаты, двери, лестницы. Немного другие окна. Однако вокруг, на много, много дней пути, нет ни единого глотка воды.

Откуда здесь могли взяться люди? А значит, холм появился сам – как само появилось море, песчаные дюны, каменные валуны по ту сторону протоки. Люди всего этого построить просто не могли.

Потом Назия вышла из холма, увидела, как ее моряки разводят огонь и волокут к костру свежую рыбу, и мысли ее вернулись в обычное русло – кто как сегодня работал, кого стоит поощрить, а кому урезать пайку. А так же, само собой, на то, что нужно перекусить самой.

* * *

Рыбу моряки ловят способом, древним, как сами корабли.

Когда на судне поднимают паруса, и оно развивает хороший ход, за борт выбрасываются несколько веревок. К ним привязывают небольшие, гладко отполированные металлические пластинки и по паре крепких крючков. Обычно каждый час две-три рыбехи решаются попробовать эту снасть на вкус – и тут же оказываются в деревянном бочонке, стоящем возле люка в кормовой трюм. Благодаря такой нехитрой снасти у моряков никогда не бывает проблемы с тем, что поесть, но для приготовления своего привычного обеда им необходима остановка и дрова, чтобы развести костер.

Ежедневные переходы к кустарникам, граничащим с Дельтой, обеспечивали их и тем, и другим. Рыбу ловили во время похода, а хворост собирали на берегу. Раз в три дня флот делал «дальний» бросок – до устья ближайшей реки, за пресной водой, после чего возвращался в свою бухту.

Дважды море обрушивало короткие, яростные шквалы, но каждый раз Соленый успевал увести корабли в укрытие и не потерял больше ни единого судна.

В свободных помещениях под холмом моряки устроили дровяной склад. Время от времени, когда непогода заставляла флот скрываться в бухте, или когда, набрав пресной воды, Соленый почему-то не останавливался возле кустарников, хворост брали оттуда. В любом случае пополнялся склад все же куда быстрее, чем опорожнялся.

Жизнь начала налаживаться, появилась некая новая привычная колея. Однако, если для двуногих главным была возможность вовремя набить брюхо, то смертоносцы не забывали о высшей цели – найти покинувших город собратьев. И в один из дней, вместо того, чтобы после полудня привычно уткнуться носом в песчаный берег, корабли продолжили свой путь в сторону священной для всякого паука земли.

Морские подданные Смертоносца-Повелителя сделали свою первую остановку, уже миновав красивые, но смертельно опасные заросли Дельты. Запас хвороста корабли везли на борту, рыба наполняла бочонки до краев, поэтому на еду много времени не ушло – в считанные минуты запылали костры, обуглилась в пламени чешуя, крепкие зубы вцепились в белое горячее мясо. Прошел всего час, а двуногие снова поднялись на борт, и мачты немедленно украсились парусами.

Подниматься вверх по реке на этот раз не потребовалось: неподалеку от устья на невысоких волнах забавно прыгала небольшая веселая плоскодонка с двумя мужчинами, сжимающими длинные тонкие палки. Заметив надвигающийся флот, они попытались было отгрести в сторону, но громада флагманского корабля быстро нагнала лодочку и подмяла под себя. Моряки быстро опустили парус, остановили судно и выбросили за борт канат.

На борт забрался только один из людей – и тут же начал громко орать.

«Дикари, – подумала Назия, слушая бессмысленные вопли. Даже говорить не умеют. Откуда они только взялись в нашем море?»

В отличие от надсмотрщицы, Соленый понимал смысл криков. Спасенный проклинал моряков за то, что они утопили его друга. Но главным было не это. Главное – этот человек был чужаком, и он совершенно не имел представления о Смертоносце-Повелителе. Поэтому Соленый разорвал мысленный контакт, приблизился к пленнику в упор и впрыснул ему парализующий яд. А потом приказал причалить к берегу, хорошенько отдохнуть и запастись побольше дров на обратную дорогу.

Пока моряки валялись возле огня, Соленый с Быстрым отволокли захваченного чужака в пески, за ближайший бархан, и впервые за последние месяцы поели нормального мяса.

Потом был долгий переход в ставшую почти родной бухту, долгие блуждания между кустарниками и Дельтой в бесплодной надежде услышать ответ сородичей – и снова дальний к устью протекающей через город реки; и снова возврат в бухту. Соленый не знал, сколько раз довелось кораблям пройти по морским волнам вдоль всего побережья. Много.

И когда в один из таких походов в ответ на его призыв: «Слышите меня?» в его сознании внезапно прозвучал ответ: «Слышим», смертоносец просто не поверил сам себе.

Но мысленный контакт сохранялся. Соленый даже узнал собеседника – да как можно не узнать мудрого Шабра, единственного великого ученого во владениях Смертоносца-Повелителя? Вскоре восьмипалый ученый поднялся на борт вместе с сопровождающими его двуногими. Соленый с облегчением узнал, что его одинокая миссия подходит к концу: вскоре он вольется в бескрайнюю армию пауков, готовую выступить на освобождение города от злобных пришельцев.

* * *

Найл остановился и с облегчением перевел дух. Еще никогда он не «говорил» так долго. Вечер памяти начался днем, а сейчас солнце уже касалось горных вершин у него за спиной.

– Соленый и Быстрый совершили великий подвиг, – еще раз повторил правитель. Они спасли весь флот великого Смертоносца-Повелителя. Они нашли в себе мужество не только в точности выполнить полученный приказ, но сделать все возможное сверх приказа.

Они ушли в неведомое и вернулись победителями. Слушайте все! Соленый и Быстрый не должны сгинуть бесследно! Когда тела их одряхлеют, и смерть подступит к их сознанию, оба они должны быть помещены в Черную Башню. Они должны стать нашей памятью, чтобы любой из потомков мог увидеть этих великих смертоносцев и поговорить с ними о нашем трудном времени.

Хотя пауки и не склонны к эмоциям, однако Посланник ощутил в рядах своих восьмипалых соратников нечто похожее на зависть. Пусть. Пусть знают и помнят, что каждый, кто совершит подвиг, будет удостоен особой чести. Пусть ищут способ прославиться!

– Подвиг совершили не только Соленый и Быстрый, подвиг совершили все моряки, которые не покинули своих кораблей не смотря на голод и лишения.

На мгновение откуда-то из глубин сознания выскочила простенькая мысль о том, что ни один из них не выжил бы вне корабля больше двух-трех дней, но правитель торопливо отогнал мыслишку прочь, пока ее никто не заметил.

– В награду за их подвиг я объявляю всех моряков флота равными смертоносцам и разрешаю им носить оружие! Нефтис, копья!

Найл отдал разлегшимся у шатра братьям по плоти короткий мысленный приказ, а сам спустился к выстроившимся вдоль берега людям.

– Теперь вы равные среди равных, – объявил Посланник. Я вручаю вам в руки оружие как знак признания ваших заслуг и вашего мужества!

Он брал из охапки, которую держала Нефтис, по одному копьё, перехватывал его двумя руками и протягивал очередному моряку, стараясь сохранить выражение воодушевления на лице, однако в душе с каждым разом становилось все пасмурнее.

Первое же прикосновение к сознаниям героев моря показало, что долгое одинокое блуждание вдоль далеких берегов ничего не изменило в их душах. Они не приобрели отваги, в них не зародилось готовности сражаться за свою жизнь. Получен приказ – поднимут парус. Поручен приказ – опустят парус. Разрешат привал – можно испечь рыбу и перекусить. Обо всем остальном пусть думают надсмотрщицы и смертоносцы.

Правитель надеялся, что публичное признание заслуг хоть как-то поднимет их самосознание, разбудит чувство собственного достоинства. Но нет. Они брали в руки копьё, с интересом рассматривали запрещенную ранее игрушку, но внутри оставались тем, чем были и раньше. Двуногие, живая оснастка могучих морских кораблей. Они были готовы исправно и бездумно выполнять приказы в обмен на обязательство командиров обеспечивать их пресной водой и едой. Очень удобная позиция – сытная и спокойная. А над вопросами что делать, ради чего сражаться, где добыть дрова и воду, куда плыть, над всем этим пусть ломает голову кто-нибудь другой.

Позиция раба – самая удобная и безопасная позиция в мире. Наверное, если бы северяне захватили флот, ни для кого из моряков ничего бы не изменилось. Смертоносцев и надсмотрщиц сменили бы суровые воины в доспехах. Но для раба все останется прежним: поднять парус, опустить парус, убрать весла, весла на воду. И все. Ради чего бороться? Чего бояться? Разве только шторма в открытом море – но против него копьё бесполезны.

Женщины показались более развитыми. Недаром им приходилось беспокоиться не только за себя, но и за корабль – и за мужчин в том числе. Канаты и парусина для мертвой оснастки, вода и туники для живой. Нужно следить чтобы не подгнивали в трюмах запасные бухты, чтобы не переохлаждались моряки, чтобы не перетиралась ткань в неплотно подвязанных парусах, и чтобы не ослабли гребцы и рулевые из-за недостатка еды.

В хозяйках кораблей уже имелось то самое чувство собственного достоинства, которое заставляет воина рискнуть жизнью в бою, но не склонить голову перед врагом. Каждая из них прекрасно знала, что любого из моряков, если он ослабеет, заболеет или покалечится, без колебаний вышвырнут на берег и возьмут вместо него другого. За малейшие признаки неповиновения мужчину могут по ее желанию отправить в квартал рабов или казнить на месте.

Она вольна назначать им любую кару или наказывать сама – и никто ни звуком не попрекнет за подобное обращение с низшими существами. Опытная надсмотрщица ценилась куда выше. Если женщина содержит корабль в порядке – смертоносцы всегда простят ей мелкие прегрешения, излишнюю вспыльчивость или недостаточную почтительность.

Пауки всегда ценили внешнюю привлекательность слуг, наказывая за любое уродство как за самое страшное преступление. И тем не менее на флоте встречались надсмотрщицы и с оторванными пальцами, и со шрамами на теле или лице, и с покалеченными руками или ногами – такелаж иногда бывает очень жесток к людям. Женщины знали, что они представляют собой ценность – и были готовы эту ценность поддерживать или защищать.

Из женщин могли бы получиться настоящие воины, но... Но любая надсмотрщица полностью отождествляла себя со своим кораблем. Они на уровне инстинкта чувствовали, что без своего судна опускаются до уровня безмозглых раболепных мужчин, и не мыслили существования вне моря.

Найл шел вдоль строя моряков. Братья по плоти подносили копьё, он вручал их двуногим деталькам кораблей, иногда говорил какие-то торжественные слова, но мысленно качал головой, вспоминая мудрое пророчество Магини: «У тебя почти полтысячи человек». Нет, из людей рядом с ним как были, так и остались пять десятков братьев по плоти.

Просто в распоряжении Посланника Богини появился флот.

– Зачем же ты раздаешь копьа, – возник в сознании вопрос премудрого Шабра, – если не считаешь моряков годными к битве?

– Они бесполезны при нападении, – так же мысленно ответил Найл. – Но любая надсмотрщица будет защищать свой корабль насмерть, и заставит точно так же поступить мужчин. По крайней мере, их не понадобится охранять.

Вручив копье последнему моряку в строю, Посланник с явным облегчением вернулся к шатру и вошел внутрь. Следом за ним скользнула Кавина и опустила полог.

* * *

Первым существом, которое увидел Найл, выйдя ранним утром на свежий воздух был Шабр. Смертоносец ждал, как это умеют делать только пауки – ни единого движения ажурных лап, ни малейшего колебания сильного тела, ни единого проблеска мысли в сознании. Словно и не живое существо высится на фоне бескрайнего моря, а мертвое изваяние.

– Рад видеть тебя, Шабр, – поздоровался правитель.

– Рад видеть тебя, Посланник, – ответил паук и искра разума в его сознании снова погасла.

Найл обошел паука, добежал до воды и с головой нырнул в прохладные волны. Потом вернулся к шатру, поднял с порога круглый деревянный поднос с фруктами и вином, отошел чуть в сторонку, уселся прямо на траву и начал завтракать.

Разумеется, правитель понимал, что Шабр ждет именно его. Однако для пауков, в отличие от людей, ожидание не представляет собой какой-либо трудности. Минута, час, день, месяц – если понадобится, смертоносец может ждать вечно, не испытывая беспокойства или нетерпения.

После того, как Белая Башня внесла в память Найла основные знания человечества, в его голове порою возникали самые неожиданные ассоциации. Так, например, в истории человечества очень долго существовало высоко ценимое искусство погружения в нирвану.

«Нирвана», это такое состояние сознания, когда в нем не возникает ни единой мысли. А не являлось ли это влечение к внутренней пустоте стремлением уподобиться будущим повелителям мира? – однажды подумал правитель. Может быть, из нынешнего времени в далекое прошлое уходят некие информационные сигналы, и люди древних эпох неосознанно предчувствуют будущее планеты? Они знают, что будущие властелины Земли думают только тогда, когда это необходимо и прекращают этот бессмысленный процесс, если цель размышлений отсутствует – знают, и стремятся этим высшим существам подражать.

Иначе откуда было бы столько таинственности и недомолвок вокруг простенькой задачи: не хочешь думать? Не думай!

Найл доел виноград, отодвинул поднос и встал.

– Как чувствует себя принцесса Мерлью, Посланник? – тут же осведомился ученый смертоносец.

Правитель заколебался. Если этот вопрос – всего лишь дань вежливости, то на него можно не отвечать. Однако долгое и тесное общение с двуногими не прошло для Шабра даром – восьмипалый заразился многими чисто человеческими недостатками. Например, любопытством. Если паук и вправду хочет подробнее узнать про Мерлью, то отделаться общими фразами было бы неудобно. Особенно после всего того, что сделал Шабр во имя общей цели.

– Это была дань вежливости, – смилостивился паук, избавив Найла от долгих колебаний.

– Спасибо, хорошо.

– Она раскрыла тебе тайну Скорбо?

– Да.

– Я рад, что одной тайной в этом мире станет меньше, – вычурно сообщил ученый смертоносец, – Так почему он не позвал на помощь?

Правитель развернулся, ушел в шатер, извлек из свертка одеял ларец и вернулся к пауку. На этот раз восьмилапый ждал ответа чисто по-человечески: притаптывал лапами на одном месте, покачивался всем телом, открывал и закрывал дыхальца и громко излучал беспокойство.

– Вот. Найл открыл резную костяную крышечку, извлек из деревянной ячейки одну из четырнадцати продолговатых стеклянных колбочек, заткнутых кожаными пробками и показал Шабру светло-серую мазь, наполняющую сосуд чуть больше, чем наполовину. Попадание самой малой толики этого состава на панцирь паука лишает его возможности излучать наружу любые мысли, чувства и эмоции.

– Не может быть! – уж совершенно по-людски поразился смертоносец.

– Хочешь попробовать?

– Да! – без единого колебания согласился Шабр.

Посланник сорвал у своих ног тонкий незрелый колосок, осторожно выковырял пробку из колбочки, обмакнул кончик травинки в мазь, тут же воткнул пробку обратно, сделал шаг к пауку и осторожно коснулся колоском верхнего колена одной из лап.

И Шабр исчез.

Точнее, тело его продолжало существовать, и существовать необычайно бодро: паук пробежался по поляне из стороны в сторону, быстро взметнулся на дерево, на путине соскользнул вниз, примчался обратно к Посланнику, ненадолго замер, снова убежал. Но при этом из образа смертоносца исчезла основная составляющая – его разум. На ментальном уровне Шабра больше не существовало.

– Как ты себя чувствуешь? – окликнул восьмилапого ученого Найл. – Ты здоров? Это не больно?

Шабр не отвечал.

– Эй! – не на шутку забеспокоился Посланник. Ты цел?

Смертоносец подбежал к правителю, с минуту постоял перед ним, потом снова убежал.

– Ну да! – хлопнул Найл себя по лбу. Он же и не должен ничего говорить!

Правитель поднес колосок к глазам, пытаясь разглядеть, сколько мази на нем осталось. С виду колосок был совершенно чист. Найл задумчиво облизнулся, а потом осторожно коснулся кончиком травинки своей ладони.

И Найл оглох! Солнце продолжало светить, листья на деревьях шуршать, волны с шипением биться о берег. Но Найл уже не слышал мысли Кавины, которая мгновение назад думала о том, не удастся ли оттереть Аполию от участия в обряде памяти и на этот вечер, он не ощущал беспокойство советника Борка, боявшегося, что его заставят переодевать огромное количество моряков в новые туники, он потерял контакт с братьями по плоти – теми ребятами, которые вернулись из похода вместе с Шабром. Молодые люди всерьез увлеклись продолжением детского спора Назии и Алоники: строили люди дома специально, или это такое редкое явление природы?

А внешне в окружающем мире не изменилось совершенно ничего.

Первым проявил беспокойство советник Борк.

Мудрый смертоносец несколько раз мысленно окликнул Посланника Богини, потом испуганно выскочил из своей комнаты, быстро сбежал по стене вниз и остановился в нескольких шагах от правителя.

– Что с тобой, Посланник Богини? – с испугом спросил он.

Найл, ничего не «слыша», вопросительно вскинул подбородок.

– Что с тобой, Посланник Богини?! – Борк усилил яркость мысленного вопроса. На этот раз Найл просто молча развел руками.

– С твоим сознанием случилась беда, – в послании советника помимо обеспокоенности сквозило явное сожаление. Ты деградировал до уровня зародыша бабочки.

Тут со стороны моря подбежал Шабр и встал рядом с правителем.

– И ты?! – с искренним ужасом переспросил Борк. В голове советника с яркостью порохового взрыва вспыхнула мысль о заразном заболевании.

В этот миг Найла осенило: он щелкнул пальцами и громко позвал:

– Нефтис!

– Да, мой господин, – оказывается, стражница находилась рядом, за шатром.

– Передай, пожалуйста, советнику Борку, что мы с советником Шабром сильно устали после вчерашнего вечера и нуждаемся в отдыхе... – Найл остановился и напомнил: – Передавай.

Телохранительница несколько удивилась странной просьбе – Борк в двух шагах, сам все должен слышать – однако фразу повторила слово в слово.

– После отдыха наши с Шабром разумы будут в полном порядке.

Нефтис послушно повторила. Советник Борк немного успокоился, однако на всякий случай повторил: – Будьте осторожны. Соблюдайте осторожность, – «перевела» телохранительница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.